№ 5 Мартъ 1910 г.

АНАРХИСТЪ

ОРГАНЪ
РУССКИХЪ АНАРХИСТОВЪ-КОММУНИСТОВЪ

Высшее право есть право возстанія!

СОДЕРЖАНІЕ: Памяти Мойше Киршенбаумъ («Токарь»). — Государство будущаго. *Б. Линцовъ.* — Партія с.-р. и дѣло Петрова. *О. Буринъ.* — Личность, ея борьба, ея идеалъ. *Б. С-па.* — Дѣйствія карательной экспедиціи въ районѣ Тукума-Тальсена. *З. Штрамсъ.* — Изъ Россіи: Рига, Юрьевъ, Виндава, Владиміръ, Одесса, Екатеринославль. — Заявленіе — Почтовый ящикъ. — Денежный отчетъ.

Памяти Мойше Киршенбаумъ.

(«Токарь»)

Погибъ мученической смертью товарищъ Мойше „Токарь". Но въ этой смерти есть для насъ нѣчто утѣшительное. Онъ самъ ее избралъ. Онъ не далъ подлымъ палачамъ дотронуться до себя, не дожидаясь, пока на него накинутъ петлю, онъ покончилъ съ собой, сжегши себя живымъ. Послѣднія минуты его жизни принадлежали ему самому. Онъ умеръ свободнымъ.

Когда мы впервые получили извѣстіе изъ Вильны о самосожженіи „неизвѣстнаго", мы испытали странное чувство удовлетворенія. Всегда насъ посѣщаетъ тайная тревога, когда кого-нибудь изъ близкихъ товарищей приговариваютъ къ смерти. Вотъ эти послѣднія прощальныя минуты, часы, дни, какъ они ужасны. Вопросъ стоитъ такой острый, такой мучительный: а какъ онъ внутри, въ себѣ, сводилъ свои счеты съ жизнью? Тутъ полный пересмотръ предстоитъ всего душевнаго багажа: да вдругъ недочетъ, недоумѣніе, сожалѣніе!... Вдругъ человѣкъ при встрѣчѣ съ вѣчностью, почувствуетъ, что его не хватитъ, чтобы выравняться съ нею?.. Вдругъ откроется нѣчто непредвидѣнное, невѣдомое, пропущенное въ жизни, передъ которымъ спасуетъ само мужество?...

А тутъ такая увѣренность, такая закаленная твердость, такое цѣльное самообладаніе! Улучить минуту, когда бдительно оберегавшій его для висѣлицы сторожъ очутится на противоположномъ концѣ коридора, въ мгновеніе ока схватить лампу, облить всего себя керосиномъ, обвязать голову платкомъ, вымоченнымъ въ томъ же керосинѣ и поджечь себя и, когда горишь, не издавать при этомъ ни единаго звука, чтобы не привлечь вниманія сторожа, который могъ бы его преждевременно „спасти". Горѣть огненнымъ столбомъ, сидя на койкѣ, отъ нестерпимой боли вскидывать руками, но помнить при этомъ, что кричать нельзя. И когда голова и лицо его превращались въ уголья, онъ внутри оставался тѣмъ же, какимъ онъ былъ до горѣнія.

Какъ это похоже на Мойше! Безграничное упорство, желаніе во что бы то ни стало отстоять свой собственный недоступный уголокъ, свою волю. Я есмь я, Мойше Токарь, который будетъ воевать съ вами до послѣдняго издыханія. И во имя всѣ какихъ „безполезныхъ" вещей. *Умереть самому, не говорить своего имени.*

Всю ночь промучился онъ въ страшной агоніи, окруженный жандармами, прокуроромъ, слѣдователемъ и губернаторомъ, все выпытывавшими у него, кто онъ такой, но имени своего не сказалъ онъ. Какая моральная сила, какое религіозное благоговѣніе передъ своимъ рѣшеніемъ! Онъ смѣялся надъ своими палачами и торжествовалъ надъ ними побѣду. Онъ умеръ неузнаннымъ.

А Мойше за время своего семилѣтняго участія въ революціонномъ движеніи не разъ сталкивался съ полиціей и подолгу отсиживался и въ тюрьмѣ, и въ крѣпости, какъ мы это сейчасъ увидимъ изъ краткаго обзора его жизни. Онъ родился въ Лодзи, у очень бѣдныхъ родителей въ 1885 г. 16-ти лѣтъ онъ поступаетъ на фабрику токаремъ, и тамъ же онъ завязываетъ сношенія съ пропагандистами изъ П. П. С. 18-ти лѣтъ онъ вступаетъ въ ряды этой партіи и принимаетъ дѣятельное участіе въ экономической борьбѣ, которая тогда очень энергично велась въ Лодзи подъ знаменемъ П. П. С.

Въ 1904 г. онъ переселяется въ Варшаву, входитъ членомъ въ „Боевое Коло" при П. П. С. и въ качествѣ такового участвуетъ въ политическихъ актахъ, защищая отступленіе исполнителей, и въ вооружен-

ныхъ демонстраціяхъ, входя въ составъ передового боевого отряда. На извѣстной демонстраціи на Лѣшной улицѣ, онъ попалъ въ руки полиціи, былъ звѣрски избитъ и административно просидѣлъ нѣсколько мѣсяцевъ. И такихъ случаевъ съ нимъ было не разъ. Въ П. П. С. у него было богатое боевое прошлое, но многое намъ неизвѣстно.*) Боевая дѣятельность не отвлекала его отъ работы на фабрикѣ и отъ будничной революціонной работы. Онъ съ одинаковой страстностью дѣлалъ самое маленькое дѣло. Мы помнимъ, какъ онъ съ пукомъ прокламацій носится по дворамъ фабрикъ, призывая къ демонстраціи, и какъ дивно при этомъ сіяли его глаза.

Въ 1905 г., когда узкія цѣли политическихъ партій начинаютъ явственно опредѣляться, Мойше начинаетъ чувствовать себя неудовлетвореннымъ и тяготится своимъ участіемъ въ П. П. С. Онъ выбивается изъ ея рядовъ и полгода проводитъ внѣ всякихъ партій. Онъ думаетъ, размышляетъ, присматривается, приглядывается. Въ то время онъ завязываетъ сношенія съ анархической группой, которая тогда только что обосновалась въ Варшавѣ. Онъ дискутируетъ вопросы момента, слушаетъ лекціи по анархизму, беретъ литературу и, наконецъ, входитъ въ группу. Группа была совсѣмъ молодая и силами, и опытомъ. Она всего имѣла полгода существованія. Литературы было мало, кромѣ первоначальныхъ брошюръ, какъ „Споръ Малатеста", „Альфавитъ анархизма", „Всеобщая забастовка". Между тѣмъ приходилось общаться съ большой массой, среди которой имѣли вліяніе крупныя политическія партіи. Надо было давать опредѣленные, яркіе лозунги, вырабатывать самостоятельную тактику. Теоретическія представленія объ анархизмѣ давали плохую подмогу. Приходилось всецѣло полагаться на анархическій инстинктъ, на революціонную страстность натуры. И тутъ то такіе люди, какъ Мойше, и нужны были. Онъ нашелъ примѣненіе всѣмъ своимъ силамъ. Онъ былъ изъ тѣхъ, которые вынесли на своихъ плечахъ первые опыты анархизма въ Россіи. И онъ окунулся въ работу со всѣмъ присущимъ ему самоотверженіемъ.

Съ первыхъ же шаговъ своихъ группѣ пришлось взять въ свои руки веденіе малыхъ и крупныхъ стачекъ, какъ стачка приказчицъ въ молочныхъ магазинахъ и стачка булочниковъ. Разумѣется, что Мойше былъ первымъ, гдѣ дѣло касалось общенія съ массой. Онъ оживалъ въ такой работѣ. Какъ же вести стачку по анархически? И, послушный какой-то внутренней анархической логикѣ, Мойше рѣшаетъ, что если раньше рабочіе занимали выжидательную позицію, то теперь очередь за хозяевами ждать рѣшенія своей судьбы изъ рукъ рабочихъ. И отъ словъ переходили къ дѣлу. Захватываются молочныя, булочныя. Ставятся туда рабочіе, которые продаютъ, сбываютъ товаръ, а выручку вечеромъ распредѣляютъ между забастовавшими. Нѣтъ больше стачечныхъ голодовокъ! Это произвело чрезвычайный эффектъ на хозяевъ, и они черезъ нѣсколько дней сдались.

Черезъ нѣкоторое время вся профессія булочниковъ рѣшила объявить забастовку. Рѣшили поручить группѣ веденіе ея. Но группа предложила создать рабочія забастовочныя комиссіи, куда вошли бы членами члены группы. Вошелъ и Мойше. Тутъ борьба была упорная. Пришлось пустить въ ходъ террористическія мѣры воздѣйствія. Душой всѣхъ этихъ предпріятій былъ Мойше. Нападали на подводы съ мукой, разрывали мѣшки и обливали керосиномъ. Врывались въ пекарни и взрывали печи. При этомъ часто употребляли такой простой пріемъ. Въ ночь на субботу еврейки ближайшихъ домовъ помѣщаютъ въ громадныя печи пекарень горшки съ завтрашними субботними обѣдами. И вотъ случалось, что въ одномъ какомъ-либо горшкѣ вмѣсто „кугеля" покоилась бомба. Разогрѣвшись, анархическій „кугель" взрывался, увлекая къ небесамъ своихъ сотоварищей вмѣстѣ со всей пекарней.

Во время этой забастовки Мойше рѣшилъ прикончить главнаго вожака хозяевъ, который возбуждалъ ихъ къ сопротивленію, хозяина булочной на Слизской улицѣ. Онъ поджидалъ его въ субботу передъ синагогой, гдѣ набожный эксплуататоръ изливалъ свое горе передъ Господомъ. Но тотъ какъ то успѣлъ вывернуться. И Мойше не пришлось стрѣлять. Но стачка и безъ того была выиграна.

Эта стачка привела группу въ соприкосновеніе съ широкой массой рабочихъ, пріобрѣла ей горячія симпатіи и вліяніе. Методъ террористической стачки считался образцовымъ. И весь профессіональный союзъ булочниковъ оторвался отъ Бунда и объявился анархической федераціей булочниковъ со своей собственной печатью. Многіе члены профессіональной федераціи входили и въ группу. Эта стачка оставила за собой традицію, какъ въ самой профессіи, такъ и другихъ. Она служила прототипомъ знаменитыхъ стачекъ механическихъ сапожниковъ и портныхъ. И вообще надо замѣтить, что группа въ Варшавѣ не была изолирована. Анархизмъ, болѣе, чѣмъ гдѣ бы то ни было, былъ массовымъ явленіемъ, но масса, приверженная къ анархизму, терялась въ громадныхъ рамкахъ всего рабочаго двoженія въ Варшавѣ.

И вмѣстѣ съ тѣмъ Мойше принимаетъ участіе въ чисто групповыхъ предпріятіяхъ. Группа, чтобы покрывать свои очередные расходы, посылала требованія къ буржуямъ за своей печатью. Это вызвало подражателей. Создалась цѣлая комбинаторская организація, которая промышляла именемъ анархизма. Это страшно вредило престижу группы. Надо было положить этому конецъ. И вотъ, когда Мойше разузналъ, гдѣ помѣщается ихъ главная квартира, онъ самолично явился туда съ браунингомъ и бомбой, засталъ всю группу во всемъ ея составѣ и, угрожая бомбой, онъ крикнулъ: „Господа, я васъ взорву вмѣстѣ съ собой, если вы не выдадите мнѣ своего оружія и печати!" Видя отчаянное и зловѣщее лицо Мойше, всю его взъерошенную фигуру и рѣшительную позу и зная Мойше, что онъ способенъ сдѣлать то, что сказалъ, они струсили, и моментально выдали всѣ браунинги и печать да еще черное знамя, съ вышитыми на немъ анархическими лозунгами. И съ тѣхъ поръ она перестала функціонировать, опасаясь

---

*) Намъ извѣстенъ одинъ только фактъ: Случайно проходя по Налевкамъ, онъ встрѣчаетъ небольшой отрядъ городовыхъ, ведущій въ участокъ двухъ почти неизвѣстныхъ ему лицъ. Онъ и нѣкоторые другіе его товарищи сразу рѣшаютъ отбить ихъ. Бросаются на городовыхъ, ошеломляютъ ихъ, сбиваютъ съ ногъ и, стрѣляя изъ браунинга, даютъ возможность арестованнымъ бѣжать. Одинъ изъ нихъ былъ первый пропагандистъ анархизма въ Варшавѣ.

мѣръ со стороны группы. Многіе, впрочемъ, потомъ перешли къ анархизму. А Мойше, явившись на групповую квартиру со всей своей добычей, добродушно подшучивалъ надъ испугомъ храброй братіи.

Между тѣмъ связи группы расширяются и стала недостаточной агитація черезъ случайныя прокламаціи и кружки. Затѣвался регулярный органъ, и чтобы раздобыть средствъ, пошли на экспропріацію къ банкиру Бернштейну на Лѣшной. Появленіе нѣсколькихъ человѣкъ сначала испугало буржуя. Тогда Мойше подскочилъ къ нему и, приставивъ два браунинга къ его вискамъ, заоралъ на него: „Дашь или смерть тебѣ!" Тотъ задрожалъ всѣмъ тѣломъ, руки его машинально опустились въ карманы и вынулъ ключъ отъ кассы. Въ кассѣ оказалось не больше 1200 руб.

Группа все возростала по величинѣ, силѣ и вліяніи и для болѣе цѣлесообразнаго использованія всѣхъ своихъ силъ группа рѣшила раздѣлиться на секціи. Получились 4 секціи — вооруженная, техническая, литературная и секція Краснаго Креста. Мойше вошелъ въ вооруженную секцію, и въ этомъ его званіи застаютъ его великіе дни всеобщей забастовки.

Группа собрала конференцію всѣхъ секцій и былъ поставленъ вопросъ: какова должна быть задача анархической группы предъ лицомъ развертывающихся событій? Резолюція по этому вопросу группы гласила: „такъ какъ во главѣ забастовки стоятъ политическія партіи, которыя немедленно прекратятся, какъ только со стороны правительства будутъ сдѣланы уступки политическаго характера, то задача группы, съ другой стороны, будетъ заключаться въ томъ, чтобы пропагандировать продленіе забастовки и по ту сторону достижимыхъ политическихъ цѣлей, обостряя конфликты, обобщая ихъ до размѣровъ соціальныхъ, употребляя для этого самыя сильныя террористическія мѣры воздѣйствія„.

И группа сейчасъ же приступила къ дѣлу. Затѣвается цѣлый рядъ террористическихъ актовъ. Вооруженная группа во главѣ съ Мойше проявила усиленную энергію. На первую очередь стали трамваи. Они не прекращали движенія. Никакая агитація словомъ не помогала. Улица не вполнѣ еще принадлежала народу. И вооруженная группа взялась остановить ихъ. Во многихъ мѣстахъ пули были вогнаны въ рельсы. Тѣ взрывались, когда колеса трамваевъ достигали этихъ мѣстъ. Но и это не помогло. Тогда были пущены въ ходъ бомбы. Двѣ бомбы были брошены въ трамвай на Новой-Дикой ул. Одну изъ нихъ бросилъ Мойше. И трамваи стали.

Вторая аттака была организована противъ казенныхъ монополій. На нихъ красовался казенный орелъ и это было достаточнымъ прикрытіемъ для нихъ. Ихъ открывающіяся и закрывающіяся двери навойливо лѣзли въ глаза и портили общее впечатлѣніе. Надо и правительственныя учрежденія заставить подчиниться волѣ народа. И цѣлый рядъ бомбъ былъ брошенъ въ монопольки. Мойше съ своей бомбой пришлось быть на Ставкахъ. Ворвавшись въ лавку, онъ крикнулъ публикѣ: „Удалитесь!" — и бросилъ. Бомба взорвалась, производя страшное разрушеніе. Приказчикъ монопольки, который, какъ вѣрный песъ, не хотѣлъ оставить кассы, былъ тяжело изувѣченъ взрывомъ.

Такъ прошло нѣсколько дней и Мойше, видя, что рабочіе, симпатизировавшіе группѣ и вообще рабочіе, страшно голодаютъ во имя забастовки, своимъ смѣлымъ инстинктомъ понялъ, что тутъ надо перейти границы, поставленныя политическими партіями. Тѣ проповѣдывали голодовку во имя добродѣтели и какъ таковые они предлагали своимъ рабочимъ, предлагавшимъ явки, благотворительные билетики, выпрошенные у буржуазіи. Не нищенствовать, а брать, — брать у той самой буржуазіи, которая заключила союзъ съ политическими партіями во имя священной цѣли конституціи. Насильно захватывать продукты у буржуазіи и такимъ образомъ разрушить ложный миръ между нею и народомъ. И тутъ Мойше проявилъ особое, присущее ему, инстинктивное творчество. Онъ съ товарищами ходилъ по мучнымъ магазинамъ, забирали муку цѣлыми мѣшками, клали на подводы и увозили на квартиру, называвшуюся анархической коммуной. А тамъ товарищи изъ союза булочниковъ пекли хлѣбъ, который раздавался всѣмъ, кто ни приходилъ. Не спрашивали рекомендацій и явокъ отъ голодныхъ желудковъ.

Точно также были экспропріированы и другіе продукты, какъ сахаръ, чай, колбаса, — все, что необходимо для утоленія голода, — и производился тотъ же дѣлежъ. И было такъ весело и радостно, какъ въ день настоящаго народнаго праздника. И больше всѣхъ радовался Мойше, который всѣмъ этимъ распоряжался, зазывалъ рабочихъ и угощалъ, надѣлялъ ихъ всякимъ добромъ, сіяя при этомъ дѣтскимъ, неземнымъ счастьемъ.

Къ тому времени на группу надвинулось грозное несчастье. Въ началѣ января 1906 г. случился извѣстный провалъ, послѣдствіемъ котораго была пытка и разстрѣлянье 16 товарищей. Мойше и еще три товарища еле спаслись въ ночь провала, будучи предупреждены одной старушкой. Они сидѣли въ лабораторіи на Казачьей улицѣ и день и ночь занимались изготовленіемъ бомбъ. Группа тогда организовывала вооруженную демонстрацію безработныхъ съ нападеніями на буржуазію. Это была та творческая идея, которая воодушевляла ихъ свѣтлыми надеждами, поглощала все ихъ вниманіе. Имъ казалось, что они проложатъ новые пути движенію рабочаго класса. Вдругъ, прерванные среди работы, они получаютъ извѣстіе о самомъ страшномъ провалѣ.

И въ первую минуту они остановились было на мысли, поставить у дверей адскую машину и выжидать полицію. Но потомъ, вспомнивъ, что вслѣдствіе обилія динамита и готовыхъ бомбъ всему дому, населенному рабочими, грозило быть взорваннымъ, они рѣшили немедленно удалиться, избѣгаа встрѣчи съ полиціей. Съ тяжестью на душѣ, въ подавленномъ настроеніи, полные отчаянія и точки, они взяли каждый по браунингу и бомбѣ и оставили лабораторію, раздѣлившись по разнымъ направленіямъ. На утро Мойше уѣхалъ въ Бѣлостокъ. То была послѣдняя ночь существованія первой Варшавской группы.

Въ Бѣлостокѣ собрались послѣдніе остатки Варшавской группы. Устроившись на одной „варшавской" квартирѣ, они каждый день ожидали вѣстей

изъ Варшавы. А оттуда вѣсти приходили одна печальнѣе другой. Настроеніе у всѣхъ было убійственное. И вдругъ разъ, черезъ недѣлю послѣ пріѣзда Мойше является взволнованный, нервный. Онъ уложилъ старшаго городового Монюшку, грозу бѣлостоковъ.

Необычайно сильный, съ бычачьей головой, онъ безпощадно избивалъ всѣхъ попадавшихся въ его руки. Во время демонстрацій, онъ врывался въ ряды, хватая направо и налѣво и самолично таская въ участокъ. С.-ры, максималисты — всѣ грозились на него, и не пожалѣли бы для него пуль. Даже мягкосердечный Бундъ втайнѣ радовался бы его смерти. Рабочая же улица была откровеннѣе и громко призывала на его голову всѣ бѣды. И вотъ, проходя по Суражской ул., Мойше слышитъ: а вотъ Монюшко! — Монюшко? — И три пули пронизали его здоровенкое тѣло. Онъ свалился, но моментально поднялся и, подбѣгая къ извощику, онъ успѣлъ крикнуть: — Иди, скажи приставу, что Монюшко умираетъ. И, въ видѣ протеста выстрѣливъ въ воздухъ, онъ испустилъ дыханіе. Улица еще долго распѣвала пѣсенку, прославляя свое избавленіе отъ грознаго тирана.

Заѣхавъ на нѣсколько дней въ Варшаву и убѣдившись собственными глазами, что развалъ продолжается, что о томъ, чтобы наладить снова работу, говорить не приходится и натолкнувшись на гибель двухъ товарищей Игнаца и Кубы, которые пошли на экспропріацію, несмотря на предупрежденія Мойше, онъ рѣшаетъ уѣхать за границу, чтобы отдохнуть физически и нравственно отъ всѣхъ пережитыхъ волненій.

Въ Лондонѣ онъ пробылъ полгода, все время мучаясь воспоминаніями о погибшихъ страшной смертью варшавскихъ товарищахъ. Окружающая жизнь его не удовлетворяла. И онъ рвется назадъ въ Варшаву. Онъ беретъ съ собой нѣсколькихъ товарищей, цѣлый транспортъ литературы и оставивъ товарищей и часть литературы въ Краковѣ, онъ съ остальной частью переходитъ границу. Въ Варшавѣ онъ достаетъ денегъ и ѣдетъ за товарищами. И онъ уже снова загорается присущей ему энергіей и думаетъ снова поставить работу какъ бывало. Но все время ему приходится бороться съ преслѣдованіями полиціи. Его зналъ каждый шпикъ. Разъ въ Саксонскомъ саду, его опозналъ шпикъ. Онъ набросился на него, а за нимъ еще и еще. Мойше былъ безоруженъ и бросился бѣжать. Тѣ въ догонку за нимъ цѣлой аравой, не стрѣляя, такъ какъ хотѣли его поймать живымъ, какъ кандидата на висѣлицу, но все время угощая его сзади по спинѣ, по бокамъ, по головѣ, тяжеловѣсными ударами своихъ съ желѣзными округленіями палокъ. Они думали вотъ, вотъ и онъ въ ихъ рукахъ. Вѣдь ихъ палки достигаютъ его, и они его собьютъ съ ногъ. Но тутъ то Мойше обнаружилъ всю свою выдержку и громадную силу воли. Не смотря на то, что онъ былъ весь исполосованъ ударами, онъ ни на іоту не замедлялъ скорости своего бѣга. Спѣши, Мойше, а то смерть тебѣ, говорилъ онъ себѣ, и не поддавался. Онъ несся какъ вихрь. И тутъ онъ смѣшался съ толпой и та, не зная въ чемъ дѣло, пустилась въ общее повальное бѣгство, а шпиковня съ подоспѣвшей на помощь полиціей, стала стрѣлять въ толпу, убивъ трехъ изъ нихъ наповалъ и изранивъ многихъ, но Мойше она упустила. И когда его на квартирѣ раздѣли, онъ падалъ отъ изнеможенія. Не было на немъ живого мѣста. Мясо висѣло клочьями.

Но ареста онъ не избѣгъ. Посѣщая одного близкаго товарища въ тюрьмѣ на свиданіи, онъ разъ попался въ ловушку. Парень, который его сопровождалъ, оказался провокаторомъ и телефонировалъ полиціи, что Мойше въ тюрьмѣ. Собрались жандармы и охрана и Мойше очутился арестованнымъ въ тюрьмѣ. И тутъ началась для него пятимѣсячная пытка. Онъ назвался Янкелемъ Талмудомъ. Охрана же утверждала, что онъ Мойше Токарь, котораго уже давно ждалъ Скалоновскій смертный приговоръ. Почему то ей необходимо было раздобыть у него сознаніе. И она изощрялась надъ нимъ, примѣняя всѣ заново введенные Гриномъ способы инквизиціи. Его будили по ночамъ, раздѣвали до нага и полосовали по голому тѣлу. И это повторялось первое время изъ ночи въ ночь. И тутъ опять обнаружилъ онъ свое величайшее упорство. Что то въ немъ сидѣло стальное, которое должно было сломить саму очевидность. — Вотъ твоя фотографія, ты видишь, ты Мойше Токарь. — Нѣтъ, не Мойше Токарь! — Привели его отца. — Вотъ твой отецъ. — Нѣтъ, не мой отецъ. И если бы привели самаго Мойше Токаря, чтобы свидѣтельствовать противъ него, онъ бы повторялъ: Я не я, не Мойше Токарь. — Пришла справка съ родины Янкеля Талмуда, что арестованный въ ратушѣ, не Янкель Талмудъ. Мойше смѣется имъ въ лицо.

Наконецъ, устали возиться съ нимъ. Его переводятъ въ Алексѣевскій фортъортъ. И это было для него сильнымъ ударомъ. Онъ совсѣмъ было ужъ подготовилъ свой побѣгъ изъ ратуши. У него ужъ было все припасено. И съ первыхъ же дней своего перевода въ крѣпость, онъ не перестаетъ думать о побѣгѣ. Онъ умѣлъ такъ же настойчиво лелѣять одну и ту же мысль, какъ упорно отстаивалъ онъ свою волю. Фортъ окруженъ валомъ и рвомъ, глубиною въ 20 футовъ. Внутри вала по двору и извнѣ на возвышеніи, опоясывающемъ ровъ, днемъ и ночью разгуливаютъ часовые. Надо было прорвать двойную цѣпь часовыхъ. Надо было прыгнуть съ высоты трехъ саженей. И безъ всякой помощи извнѣ, безъ оружія и безъ копейки денегъ. Но все это его не остановило, и онъ свою мысль провелъ до конца. Разъ темнымъ вечеромъ, онъ съ 5-6 товарищами по камерѣ, посвященными имъ въ его конспираціи (а въ камерѣ было человѣкъ полтараста) выпросился въ клозетъ. Клозетъ близко прилегалъ къ валу, а окошечко изъ него глядѣло прямо черезъ валъ. Войдя первымъ и оставивъ товарищей паружу съ часовыми, онъ моментально ринулся въ окошечку, просунулся нижней частью туловища, перевѣсился ногами черезъ валъ, но руки конвульсивно сжались, не выпуская косяка. Снизу угрожающе смотрѣла темная глубина. Вошедшій слѣдующій товарищъ видя его въ нерѣшительной позѣ, столкнулъ его, сорвавъ его руки съ косяка. Къ счастью ровъ былъ устланъ снѣгомъ, и онъ не разбился на смерть. Очутившись внизу, онъ былъ ошеломленъ и не чувствовалъ никакой боли. Придя же въ себя и пробуя подняться, онъ почувствовалъ что не можетъ. Нога его была переломлена около ступни. Ползкомъ, на

четверенкахъ, съ безконечнымъ терпѣніемъ, не издавая ни единаго звука, онъ дюймъ за дюймомъ подвигался впередъ, выползъ изъ рва и счастливо минуя часовыхъ, доползъ до большой дороги, ведущей къ вокзалу. Здѣсь его подобралъ извощикъ, которому онъ сказалъ, что случайно сломалъ себѣ ногу. Тотъ послѣ нѣкоторыхъ колебаній согласился увезти его по данному имъ адресу.

Около мѣсяца провозился онъ съ больной ногой и кое какъ поправившись, онъ на добытыя товарищами деньги, вторично уѣзжаетъ за границу, въ Парижъ. Это было весною 1907 г. Еще два мѣсяца пролежалъ онъ въ больницѣ и у товарищей, онъ какъ только сталъ на ноги, поступаетъ на работу. Здѣсь онъ знакомится съ французскимъ синдикализмомъ, и хотя не зналъ языка, становится горячимъ приверженцемъ этой формы рабочаго движенія. Сынъ рабочей среды, всегда въ работѣ, за работой, онъ вѣрилъ въ стихію рабочаго движенія. Для него какой то обновленный синдикализмъ сочетался съ самымъ грознымъ боевымъ анархическимъ выступленіемъ. Самъ же онъ въ это время носится съ идеей акта самаго индивидуалистическаго пошиба. Онъ не отвѣтствененъ ни передъ кѣмъ. Онъ не хочетъ считаться ни съ какими послѣдствіями — ни съ кѣмъ, ни съ чѣмъ. Какъ все это укладывалось въ одной головѣ трудно сказать. Трудно было докопаться до корней его міровозрѣнія. Онъ не аргументировалъ логически. Какъ человѣкъ живой, чувствующій, онъ дѣйствовалъ, поступая не логично, а психологично. И можетъ быть, что въ этой области и лежитъ рѣшеніе этого вопроса.

Выселенный изъ Парижа, онъ полгода провелъ въ Лондонѣ, гдѣ натерпѣлся разныхъ бѣдъ, все время мучась больной ногой. Вернулся въ Паружъ, гдѣ прожилъ нелегально около полгода. Теперь онъ опять горѣлъ мыслью о Россіи. Въ началѣ 1909 г. онъ выѣзжаетъ въ Россію. Безъ большого воодушевленія, но съ рѣшимостью посвятить себя планомѣрной работѣ среди рабочихъ. Прибывъ въ Лодзь, онъ, минуя Варшаву, ѣдетъ въ Бѣлостокъ, потомъ въ Вильну, гдѣ и осѣдаетъ. Письма его оттуда дышатъ печалью. Онъ одинъ. Нѣтъ ни товарищей, ни слѣдовъ прежней работы. Нѣтъ ни средствъ, ни денегъ, ни работы. Голодаетъ, болѣя проклятой ногой. Отъ планомѣрной работы онъ все болѣе и болѣе возвращается къ мысли о единичномъ актѣ. Его выборъ остановился на Гершельманѣ, какъ на одномъ изъ самыхъ яркихъ представителей реакціи. Не будучи въ состояніи обставить актъ большими приготовленіями, онъ 6 декабря по ошибкѣ стрѣляетъ въ генерала Пенчо. 13 января былъ судъ, который вынесъ ему смертный приговоръ, 15 января онъ покончилъ съ собой, подвергши себя самосожженію. Онъ былъ однимъ изъ первыхъ и послѣднихъ анархистовъ перваго анархическаго поколѣнія. Онъ оставилъ намъ наслѣдство — великое моральное мужество.

Государство будущаго.

I.

Государство ведетъ какое-то таинственное существованіе въ соц.-демократической теоріи будущаго: оно то появляется, то исчезаетъ; вѣчно колеблется оно между жизнью и смертью. То — юное и бодрое, оно обнаруживаетъ всѣ признаки здоровья, то хилое и тающее, оно доживаетъ свои послѣдніе дни. Иногда судьба его становится прямо трагичной: настойчиво приглашаютъ его къ дѣятельному соучастію въ различныхъ подвигахъ, а потомъ, воспользовавшись его помощью, не только самымъ неблагодарнымъ образомъ отрицаютъ его соучастіе, но и безцеремонно отрицаютъ само его существованіе. Кто-то заинтересованъ въ томъ, чтобы оно не мозолило глаза непосвященной публикѣ, кто-то заботливо старается упрятать его за кулисы той сцены, гдѣ разыгрывается соц.-демократическая пьеса будущаго: это начинаетъ становиться подозрительнымъ, тутъ скрывается какой то фокусъ; будемъ же зорко смотрѣть, — авось и фокусъ разгадаемъ, и фокусниковъ на чистую воду выведемъ!

Государство вообще, независимо отъ временныхъ его свойствъ, является чистымъ, безвреднымъ, никогда не осквернявшимся службой у буржуазіи, насиліемъ. Это насиліе само по себѣ, это насиліе какъ идея, это чистая форма безъ содержанія, называемая государствомъ вообще, какимъ-то способомъ извлекается изъ наличнаго буржуазнаго государства и, переработанное въ котлѣ с.-д. метафизики, дѣлается годнымъ для употребленія демократическимъ диктаторамъ. Это звучитъ такъ заманчиво, такъ загадочно, тутъ священнодѣйствуетъ новѣйшая магія. Форма государства ведетъ какое-то отдѣльное существованіе отъ содержанія государства; между тѣмъ, какъ форма пребываетъ вѣчно, — она была, есть и будетъ, — содержаніе временно и измѣнчиво. Чистая форма государства это и есть тотъ таинственный духъ, который пугаетъ насъ своимъ внезапнымъ появленіемъ и исчезновеніемъ въ соц.-демократической теоріи будущаго.

Но наши с.-дем. слишкомъ трезвые матеріалисты, чтобы находить удовольствіе въ вызываніи и изгнаніи духовъ; они слишкомъ реальные политики, чтобы во время революціи заниматься спасаніемъ чистой идеи государства. Здѣсь просто изъ стыдливости надо было недоговарить, недосказать. Мужества не было, чтобы обнажить свою мысль до конца, и на помощь призываются духи, — въ присутствіи духовъ всегда легче обдѣлываются дѣлишки; и первый яко бы безтѣлесный духъ, который появляется въ самомъ началѣ революціи — диктатура пролетаріата — имѣетъ даже весьма грубую оболочку — диктатуру надъ пролетаріатомъ.

Но мы этого духа не станемъ тревожить въ то время, когда онъ занятъ выполненіемъ своей исторической миссіи — обобществленія производства. И въ самомъ дѣлѣ, во время проведенія такой сложной, длительной и такой запутанной въ финансовомъ отношеніи операціи, какъ экспропріаціи капиталистовъ, странно было бы требовать отъ него, чтобы онъ подвергъ себя самоуничтоженію. И, кромѣ того,

мы запомнили пророчество отъ Энгельса, которое гласило, что разъ обществу будетъ приданъ безклассовый характеръ, власть, диктатура, государство умретъ естественной смертью. Но вотъ революція закончилась. И, можетъ быть, теперь правительству диктатуры, уже совершившему свой великій подвигъ, пора убраться на покой? Члены правительства, можетъ быть, вспомнятъ своихъ предтечей — с.-д., переполнятся благодарностью, и захотятъ заднимъ числомъ оправдать ихъ предсказанія, дать сбыться ихъ пророчествамъ?... Не тутъ то было! Если въ періодѣ революціи пророческое видѣніе нѣтъ-нѣтъ да промелькнетъ передъ ихъ глазами и наполнитъ ихъ головы опьяненіемъ, а сердца умиленіемъ, то теперь окончательно прояснится въ ихъ глазахъ, головы протрезвятся и сердца совершенно опустѣютъ. Только теперь правительство вынырнетъ изъ тумана метафизики, и запахнетъ отъ него самой реальной, самой неподдѣльной дѣйствительностью. Да, пожалуй, правительство исчезнетъ, но только какъ чистая идея, чтобы сейчасъ жевозродиться,какъживойфактъ. Какъ теперь ему сходить со сцены, когда ему предстоитъ еще такая крупная общественная роль! Эта роль давно уже была предназначена для него, оно ее унаслѣдовало отъ предыдущаго періода. Еще будучи занято обобществленіемъ, оно открыло для себя новое призваніе: надо было во что бы то ни стало поддерживать нормальный, правильный ходъ производства; малѣйшая остановка грозила бы подорвать довѣріе къ правительству, къ его роли, какъ обобществителя.

Задача правительства и теперь будетъ заключаться только въ томъ, чтобы обезпечить дальнѣйшій ходъ производства. Ни на минуту не останавливаться, продолжать не оглядываясь, — вотъ тотъ кнутъ, который будетъ гнать правительство на всѣхъ парахъ. Шутка ли сказать, въ странѣ не должно быть ни одного голоднаго! Вся страна должна быть накормлена, одѣта и поставлена въ самыя благопріятныя условія существованія. Очи всего населенія будутъ возведены на членовъ правительства, въ нихъ заговоритъ чувство долга передъ страной, и они, скрѣпя сердце, останутся у власти. Они будутъ властвовать поневолѣ — вотъ мученики то! И съ усердіемъ возьмутся они за свое дѣло: обезопасить страну отъ *недопроизводства*. Недопроизводство будетъ такимъ же пугаломъ, какъ сейчасъ перепроизводство. Недопроизводство можетъ имѣть своимъ послѣдствіемъ чрезвычайный кризисъ по всей странѣ и, прежде всего, погубить само правительство, оказавшееся столь нужнымъ для страны.

А если правительство возьмется за управленіе хозяйствомъ всей страны, то достаточно будетъ только небольшого періода его дѣятельности на этомъ поприщѣ, — и оно сдѣлаетъ себя нужнымъ, незамѣнимымъ и оно уже такъ поведетъ дѣло, что и дня нельзя будетъ обойтись безъ центральнаго регулированія хозяйства.

Пускай государство управляется самымъ демократическимъ образомъ, но уже одно то, что правительство *представляетъ* все общество, но не есть само общество, измѣняетъ все дѣло. Ибо оно именно въ силу своей демократичности занято обществомъ, какъ чѣмъ то цѣлымъ: не частью населенія, не одной какой-либо областью, а всѣмъ населеніемъ, всей страной. И, исходя изъ общества, какъ цѣлаго, оно и производство будетъ разсматривать, какъ одно цѣльное хозяйство, какъ одно предпріятіе. Только интересы производства въ цѣломъ занимаютъ его; только выгоды этого производства, его успѣхи, его расцвѣтъ, его наибольшая продуктивность. Постоянная необходимость увеличивать размѣры этого единаго хозяйства будетъ все вновь возникать передъ правительствомъ, какъ задача, ждущая своего немедленнаго разрѣшенія.

Подгоняемое этой необходимостью, правительство вынуждено будетъ опереться на фактически существующее производство; оно возьметъ своимъ исходнымъ пунктомъ производство, какимъ оно его застанетъ въ моментъ своего выступленія въ роли управляющаго производствомъ. Правительство воспользуется тѣми средствами, которыя и теперь пускаются въ ходъ; оно пойдетъ тѣми путями, которые проложены капитализмомъ. Каутскій въ руководство будущему правительству приводитъ примѣръ американскихъ трестовъ. Послѣдніе, захватывая подъ свою власть всѣ предпріятія въ какой-либо отрасли производства, закрываютъ всѣ предпріятія меньшаго размѣра въ этой отрасли, чтобы производить только въ самыхъ крупныхъ, въ самыхъ технически совершенныхъ предпріятіяхъ. Одна-двѣ области оказываются единственными и монопольными поставщиками извѣстнаго продукта. И несомнѣнно, что правительство въ коллективизмѣ, занимая подобную же позицію, вынуждено будетъ слѣдовать выработаннымъ трестами путямъ.

Итакъ, концентрація въ коллективизмѣ будетъ происходить въ начатомъ капитализмомъ направленіи. Правительство сконцентрируетъ отдѣльныя производства въ отдѣльныхъ мѣстностяхъ страны, заставитъ цѣлыя области вырабатывать только опредѣленные продукты, проведетъ строгое раздѣленіе труда между областями. Каждая такая область почувствуетъ себя частицей цѣлаго, потеряетъ такимъ образомъ свою самостоятельность: она въ хозяйственныхъ дѣлахъ въ полной зависимости отъ Центральнаго Хозяйственнаго Комитета. И станетъ неизбѣжнымъ, чтобы орудованіе сверху всѣмъ хозяйствомъ никогда не прекращалось; цѣльное хозяйство требуетъ единаго хозяина, а таковымъ и будетъ правительство — хозяйственный комитетъ.

Тенденціи капитализма продолжаютъ еще дѣйствовать. Капитализмъ взрощенъ не столько экономическими потребностями, сколько государственнымъ насиліемъ, его породившимъ и всегда стоявшимъ на стражѣ его интересовъ. Капитализмъ неразлученъ съ силой, давящей сверху, съ силой, направленной противъ массъ. Онъ концентрировалъ и распредѣлялъ промышленность по отдѣльнымъ пунктамъ такъ своеобразно, что, захоти кто-либо продолжать его тенденціи, тотъ долженъ надѣть желѣзную узду на рабочаго, чтобы заставить его производить. Ибо трудъ рабочаго такъ безцѣленъ для него самого, его обязанности такъ неопредѣленны, его потребности удовлетворяются такъ невѣдомо для него, — что въ производствѣ онъ никакъ не можемъ быть самостоятеленъ и кто-нибудь, засѣдающій на верху, долженъ за него всѣмъ этимъ орудовать.

И отсюда уже очевидно, что концентрація будетъ условіемъ существованія правительства, его самосохраненіе будетъ питаться ею. Оно надѣлитъ его и здоровьемъ, и силой, и мощью. Правительство и не подумаетъ претвориться въ ничто, оно только посмѣется надъ тѣми пророками, которые предвѣщали ему скорое исчезновеніе.

Коллективизмъ сохранитъ основное противорѣчіе капитализма — разрывъ между производствомъ и потребленіемъ массъ. Производство въ цѣломъ такъ же мало будетъ говорить сердцу и желудку производителя, какъ нынѣ міровая биржа капитализма. Не потребности каждаго отдѣльнаго производителя будутъ указывать путь и направленіе производству, а потребности общества въ цѣломъ. Общество въ цѣломъ будетъ противопоставляться каждому отдѣльному производителю. Это какая то абстракція, которая ведетъ совсѣмъ самостоятельное существованіе. И твердая почва ускользнетъ изъ подъ ногъ концентраторовъ. Производство, обслуживающее общество въ цѣломъ, станетъ какимъ то резиновымъ понятіемъ, которое позволитъ и расширять, и суживать себя и вытягивать въ любую сторону. И тогда рождается вполнѣ законное опасеніе, не устремятся ли они со своимъ цѣльнымъ и концентрированнымъ хозяйствомъ по какому-то произвольному направленію, или по просту говоря, не откроютъ ли они широкихъ дверей произволу?

Что наши опасенія основательны, покажутъ слѣдующія соображенія. Наибольшихъ успѣховъ концентрація достигла въ области производства для производства. Это добыча угля, выдѣлка желѣза и стали, заготовленіе машинъ — однимъ словомъ, производство средствъ производства. Ясно, что особенное вниманіе центровиковъ по призванію будетъ привлекать именно эта область производства. По отношенію къ ней они будутъ проявлять величайшую заботливость. Тамъ они будутъ развивать лихорадочную дѣятельность. Ибо тамъ есть мѣсто, гдѣ развернуть организаціонную сѣть настолько крѣпкую и плотную, чтобы на ней удержаться цѣлому штабу коллективистическихъ управителей. И, кромѣ того, тамъ они на своемъ конькѣ. Ибо тамъ буквально осуществляется ихъ девизъ: Производить для производства въ цѣломъ.

И вотъ оказывается, что эта область производства для производства даетъ наибольшій просторъ произволу. Ибо въ ней бьется нервъ всей промышленности. Кризисы въ большинствѣ случаевъ имѣютъ своей исходной точкой именно область производства средствъ производства, и оттуда распространяются. Ея подъемъ вызываетъ соотвѣтственный подъемъ въ другихъ областяхъ производства. И высказано даже довольно вѣроятное предположеніе, солидно обставленное доказательствами, что при капитализмѣ, который не считаетъ себя призваннымъ удовлетворять потребностямъ производителей, а только карману предпринимателей, который не останавливается передъ гибелью и вырожденіемъ населенія въ своемъ побѣдоносномъ шествіи, — что при капитализмѣ имѣется неограниченная возможность увеличивать объемъ и интенсивность производства средствъ производства, если только параллельно этому капиталы не замедляютъ переливаться въ соотвѣтственныя области зависимыхъ отъ него производствъ. И такимъ образомъ промышленность переживаетъ расцвѣтъ, удовлетворяя какимъ-то небывалымъ потребностямъ.

И позволительно сомнѣваться, уменьшится ли эта возможность произвольнаго хозяйствованія при коллективизмѣ. Напротивъ. Можно даже быть увѣреннымъ, что увеличится. Ибо коллективизмъ имѣетъ еще то преимущество передъ капитализмомъ, что онъ смотритъ на все производство, какъ на единое, цѣльное и нераздѣльное предпріятіе. И что будетъ стоить вождямъ коллективистическаго хозяйства воодушевляться все новыми планами переворотовъ въ хозяйствѣ, „предвидѣть" пророческимъ окомъ, что они сами думаютъ намъ сотворить черезъ пять или десять лѣтъ, и затѣмъ взяться за перекраиваніе промышленности въ этой неотвѣтственной области производства, очищая себѣ путь — почтеніе господамъ! — для задуманныхъ ими пертурбацій? И вотъ развиваютъ новыя отрасли въ этой области, которыя не находятъ себѣ соотвѣтственнаго примѣненія въ дѣйствительности. А пока что туда стягиваются сотни тысячъ рабочихъ рукъ, которыя отрываются отъ производства на непосредственныя нужды. И производство на потребленіе должно обслуживать и этихъ потерянныхъ для него производителей, оно должно считаться съ фактомъ ихъ ухода и приспособиться къ нему.

Сокращаютъ производство на болѣе высшія потребности массъ, чтобы не отставать въ производствѣ продуктовъ низшаго потребленія. Происходятъ обширныя перемѣны въ количествѣ и качествѣ массоваго потребленія. Оно спускается до весьма низкаго уровня, и искуственно удерживается на немъ.

Производство въ цѣломъ это особая категорія, ничего общаго не имѣющая съ производствомъ для потребленія. И правительство коллективизма, которое будетъ опираться на него, будетъ правительствомъ произвола и насилія.

II.

Перейдя къ анализу основъ распредѣленія въ строѣ коллективизма, мы еще болѣе убѣдимся, что, опираясь на фундаментѣ производства въ цѣломъ, онъ утвердится на произволѣ. Государство, ставши въ главѣ производства, вынуждено будетъ взять въ свои руки и распредѣленіе.

И это вовсе не такая невыполнимая задача — это распредѣленіе продуктовъ правительствомъ. Прибѣгутъ къ старымъ, испытаннымъ средствамъ, только немного усовершенствовавъ ихъ — къ заработной платѣ и стоимости. Эти два краеугольныхъ камня буржуазнаго строя будутъ поддерживать и коллективизмъ. Буржуазія только умѣла извращать ихъ. Онѣ проявлялись въ обезображенномъ видѣ. Въ коллективизмѣ же установятъ ихъ истинное, экономическое содержаніе. Откроютъ это до сихъ поръ еще неоткрытую, невѣдомую сущность — цѣнность, которая является душой и заработной платы и стоимости. Создавая любыя цѣнности въ любомъ количествѣ, производители будущаго сумѣютъ обмѣнивать ихъ на всевозможные продукты, въ которыхъ онѣ будутъ нуждаться, удовлетворяя такимъ образомъ разнообразнѣйшимъ своимъ потребностямъ. И производству будетъ дана возможность отвѣчать на за-

просы даже индивидуальнаго потребленія, произво дители будутъ диктовать направленіе производству. Между производствомъ и потребленьемъ будетъ возстановлено равновѣсіе. Гдѣ же мѣсто для произвола?

Прежде всего замѣтимъ, что ни заработная плата, ни стоимость не будутъ свидѣтельствовать о предупредительности гг. заправилъ коллективизма по отношенію къ потребленію. Чтобы обезпечить устойчивый режимъ въ организаціи производства, чтобы обезпечить само производство, гг. организаторамъ волею или неволею придется прибѣгнуть къ нашимъ старымъ знакомымъ — заработной платѣ и стоимости. Производство какъ единое цѣльное хозяйство, не стоящее ни въ какой связи съ непосредственными интересами производителей, производство подъ управленіемъ, нуждается въ самыхъ дѣйствительныхъ средствахъ управленія, и это опять-таки заработная плата и стоимость.

Но спасутъ ли онѣ насъ отъ произвола? Ихъ священная матерь, эта неуловимая сущность — цѣнность не спасала насъ отъ произвола капиталистовъ. Она никакъ не могла пробить себѣ путь сквозь толщу капиталистическаго насилія. Сумѣетъ ли она пробиться сквозь наслоенія ученаго произвола гг. заправилъ коллективизма? Наврядъ ли!

Ибо нѣтъ ничего легче, какъ регулировать цѣнностью или, лучше сказать, цѣнностью въ ея упрощенной формѣ — стоимостью, цѣною, — потребленье продуктовъ. И цѣна будетъ руководить потребленьемъ не только не смотря на то, но именно потому, что правительство — единственный руководитель производства. Разница только та, что теперь цѣна устанавливается на рынкѣ, въ хаосѣ конкурренціи, въ будущемъ же она будетъ выискиваться путемъ разсчетовъ въ правительственныхъ учрежденіяхъ органами Ц. К. Будетъ устанавливаться оффиціальная цѣна. И что таковая можетъ натворить бѣдъ — мы сейчасъ увидимъ. Продукты, которые почему-либо желательно производить въ небольшомъ количествѣ, удорожаются въ цѣнѣ; тѣ, которые выгодно выпускать въ изобиліи, удешевляются. Капиталисты и сейчасъ диктуютъ такимъ образомъ законы потребленью. Уничтожаютъ уйму товаровъ или просто запираютъ на складахъ и не выпускаютъ на рынокъ, чтобы поднять цѣну пущенныхъ въ оборотъ товаровъ. Или же дешевизной публикѣ навязываютъ такіе товары, которые фабрикантамъ почему-либо разсчетъ производить. Извѣстно, что моды мѣняются не потому, что мѣняется вкусъ у публики, а потому, что въ интересахъ извѣстныхъ фабрикантовъ выпускать тотъ или иной сортъ, цвѣтъ, рисунокъ и т. д. Коллективистическое управленіе еще болѣе будетъ богато средствами, чтобы не только продиктовать потребителю вкусы и моды, но даже, чтобы предписать ему извѣстный уровень удовлетворенія. Ибо кромѣ устанавливанья цѣнъ, у правительства будетъ прерогатива устанавливать заработную плату. И ясно, что въ его рукахъ будетъ полное управленіе потребленіемъ.

Тогда обнаружится, что этотъ заранѣе обдуманный планъ, для проведенія котораго придется все производство передать въ руки центральнаго управленія, подчинить себѣ и потребленье. И это пресловутое равновѣсіе между производствомъ и потребленьемъ будетъ означать насильственное припоравливанье потребленья къ произволу въ производствѣ.

Производство, разъ направившись по ложному пути, будетъ и впередъ коверкать потребленье. Достаточно того, что на оффиціальномъ знамени правительства написано, что оно само опредѣляетъ и качество и количество производства, какъ въ цѣломъ, такъ и въ каждой отдѣльной отрасли на основаніи подсчета наличныхъ производительныхъ силъ и наличной потребности въ продуктахъ, чтобы судьба потребленья была уже предрѣшена. Что это означаетъ: наличная потребность въ продуктахъ? Это качество и количество потребленья за прошлые годы. Отъ кого все это зависѣло? Кто устанавливалъ цѣны и опредѣлялъ характеръ производства, если не правительство? Развѣ оно не перекраивало производства, сокращая его въ одной области, расширяя въ другой, будучи воодушевляемо планами, которые оно думало проводить въ будущемъ? И развѣ все это не отражалось на потребленьи, которое было связано съ производствомъ такими передаточными ремнями, какъ цѣна и заработная плата.

Производство привело потребленье въ болѣзненное состояніе, и послѣднее получаетъ почетное названіе „наличной потребности", и, опираясь на ней, хотятъ опредѣлить характеръ потребленья за будущіе годы. Они только занимаются статистикой, у нихъ нѣтъ никакого злого умысла! Но черезъ эту невинную штуку: статистику — „прошлые годы" держатъ въ плѣну „будущіе годы". Черезъ „наличную потребность" производство и потребленье замыкаются въ заколдованный кругъ, который открывается только для правительства. Черезъ эту „наличную потребность" бюджетъ будущаго года получаетъ всѣ пороки и изъяны прошлыхъ годовъ.

Произволъ въ производствѣ сольются съ произволомъ въ потребленьи и составятъ чудовищную пропасть произвола. Представимъ себѣ только дѣятельность правительства въ переходный періодъ послѣ революціи. Тогда ему многое разрѣшается. Каутскій даже разрѣшаетъ „исходить въ организаціи потребленья изъ исторически даннаго потребленья, какъ оно въ организаціи производства исходило изъ исторически даннаго производства. Это будетъ только логически послѣдовательно.

Истинную подкладку этой логической послѣдовательности мы сейчасъ узримъ. Новому хозяину производства, правительству, будетъ только на руку, если онъ сейчасъ же заполучитъ подъ свое начало совершенно оборудованныя предпріятія. Оно какъ нельзя лучше укрѣпитъ его положеніе какъ признаннаго концентратора.

И такимъ образомъ тѣ индустріи, которыя достигли цвѣтущаго состоянія въ капитализмѣ, удовлетворяя вкусамъ привиллегированныхъ потребителей, будутъ еще долго поддерживаться въ цвѣтущемъ состояніи новымъ хозяиномъ, правительствомъ. Неравномѣрное удовлетвореніе потребностей еще долго будетъ оставатья отличительнымъ признакомъ с.-д. режима, какъ наслѣдіе капитализма. Благо, что сами наслѣдники „экспропріированныхъ" капиталистовъ будутъ еще процвѣтать, состоя на вѣчной пенсіи у государства. Правительству будетъ только выгодно, если эти пенсіонеры сложатся въ группы,

претендующія на болѣе роскошное потребленіе. Оно съ радостью пойдетъ на встрѣчу этой богатой кліентурѣ. Тѣмъ болѣе, что сами члены правительства несомнѣнно будутъ съ ними въ компаніи. Такъ называемые законы рынка будутъ и впредь указывать направленіе производству. Если они раньше опредѣлялись въ стихійной игрѣ экономическихъ силъ, то теперь они отыскиваются учеными членами правительства. Стихія перейдетъ въ сознаніе. Недаромъ Энгельсъ пророчествовалъ: „Мы перепрыгнемъ изъ царства необходимости въ царство свободы.“

Номинально общество считается хозяиномъ всего производства, оно производитъ для собственнаго удовлетворенія. Но это ничего не значитъ. Фактическому хозяину производства, правительству, будетъ только пользительно придерживаться старыхъ привычныхъ нормъ. Общество тутъ ничего не подѣлаетъ, оно должно всецѣло полагаться на правительство. Разъ производство разсматривается, какъ единое хозяйство, которое позволяетъ дѣлать надъ собой операціи въ любомъ направленіи, то оно можетъ только подлежать вѣдѣнію одного объединяющаго центра — правительства. Только правительству по плечу руководство такой сложной махинаціей. Низы — производители и потребители — только заднимъ числомъ оповѣщаются, что во имя статистики проведена такая то мѣра. Статистика желудка каждаго отдѣльнаго подданнаго ничего не значитъ въ сравненіи со статистикой государственнаго желудка. Благодари господъ за спасеніе производства!

Цѣна и заработная плата это соединительные мосты между правительствомъ, представляющимъ все производство въ цѣломъ, и каждымъ отдѣльнымъ производителемъ-потребителемъ. Если цѣна болѣе или менѣе пассивный результатъ экономической политики правительства за прошлые годы, то заработная плата болѣе живой, болѣе интимный термометръ взаимныхъ треній между государствомъ и подданнымъ. Всякая перемѣна въ соотношеніи ихъ силъ отразится на нормѣ заработной платы. Она будетъ регулировать ихъ взаимныя отношенія. Заработную плату производитель получаетъ готовой изъ рукъ государственнаго статистика: столько и не больше! Недовольство сочтется государственнымъ преступленіемъ. Ибо оно будетъ угрожать равновѣсію государственнаго хозяйства.

Заработная плата и цѣны продуктовъ будутъ носить на себѣ печать подданства производителей и потребителей. Чекъ будетъ тогда свидѣтельствовать, что производитель наемникъ государственный, товаръ, что потребитель нахлѣбникъ государственный. Въ этомъ и будетъ состоять новая роль этихъ двухъ наслѣдованныхъ у буржуазіи институтовъ. Здѣсь они пріобрѣтутъ до сихъ поръ чуждое имъ значеніе. Вмѣсто экономическихъ они становятся *политическими* установленіями. Вмѣстѣ съ этимъ управляющіе производствомъ становятся политическими господами.

III.

Вотъ во что обратится этотъ нѣжный уходъ за „производствомъ въ цѣломъ“. Производство въ цѣломъ открыло зіяющую пасть произвола. А насъ убѣждали, что надо только исходить изъ интересовъ самой промышленности, становиться на точку зрѣнія потребностей самого производства. Оно само укажетъ, какъ за него взяться, куда его направить, оно дастъ твердую опору тѣмъ, которые пожелаютъ имъ руководить. Ибо, намъ говорили, тенденціи, которыя обнаруживаются въ производствѣ, такъ называемые интересы, потребности самого производства, суть вмѣстѣ съ тѣмъ и интересы и потребности самихъ массъ. Опираясь на нихъ правительство работаетъ на всеобщее благополучіе.

Ужъ эти потребности производства! Какія злоупотребленія ужъ ими не оправдывались! И капиталисты вѣдь тоже заботятся объ интересахъ отечественной промышленности, — тѣ же потребности производства — и во имя ихъ жертвуютъ кровью милліоновъ!

А правда вѣдь въ томъ, что производство само изъ себя, къ своему собственному самоудовлетворенію, не развиваетъ никакихъ тенденцій; производство само по себѣ никогда не даетъ точки опоры господамъ, которые вздумаютъ его урегулировать въ какомъ бы то ни было направленіи; производство всегда регулируется въ пользу заинтересованныхъ лицъ. Нынѣ заинтересованными лицами являются промышленники, ихъ стремленіе къ барышу есть направляющая сила. А въ будущемъ? Заинтересованныя лица уже начинаютъ выглядывать изъ за покрывала, окутывающаго производство въ цѣломъ.

Думали затушевать этотъ фактъ той отговоркой, что орудія производства де недоступны личному владѣнію и тѣмъ самымъ ужъ подрѣзанъ путь къ эксплуатаціи. Но можно вѣдь легко пробраться къ источнику всякаго владѣнія — государству, — и абстрактное владѣніе государства быстро превратится въ конкретное владѣнье государственниковъ. Лазейки уже намѣчены даже современной теоріей коллективизма: это вознагражденіе по заслугамъ, отличія за таланты и чинопроизводство; будущіе же практики найдутъ тысячу другихъ путей. Въ одномъ лицѣ можетъ такимъ образомъ произойти счастливое свчетаніе власти и капитала. Особенно это будетъ случаться въ переходный періодъ. Реакціонныя силы прошлаго соединятся съ реакціонными силами будущаго, подадутъ другъ другу руки; буржуазный развратъ, идущій сверху, встрѣтитъ родственное теченіе, идущее снизу — нравственную испорченность охотниковъ за чеками. Эти инстинкты, которые предполагали задушить уничтоженіемъ частной собственности на средства производства, найдутъ себѣ свободный выходъ въ обладаніе властью надъ производствомъ. Нынѣшніе хозяева льнутъ къ власти, — тогдашніе же власти имущіе будутъ стремиться къ орудованію надъ производствомъ. Разовьется особое влеченіе къ организаторству, создадутся спеціальные таланты. И сейчасъ государство, въ лицѣ правительства, не владѣя такими средствами, успѣваетъ объединить кругомъ себя много частныхъ интересовъ, собрать кучи жадныхъ хищниковъ; будущему же „генію“ въ политикѣ это будетъ тѣмъ легче, когда въ его рукахъ будетъ изобиліе всякихъ богатствъ. То, что не удавалось вполнѣ нынѣшнимъ королямъ производства, т. к. по пути стояли профессіональные политики-бюрократы — удастся черезъ коллективизмъ:

сосредоточенiе власти политической и экономической въ однѣхъ рукахъ.

И вотъ мы открыли субъектовъ произвола, заинтересованныхъ лицъ, которые будутъ поглощать неоплаченный трудъ производителей въ коллективизмѣ. Цѣнности, создаваемыя трудомъ массъ, не проваливаются въ бездонную пасть чудовища безъ глазъ и сознанiя, называемаго производствомъ въ цѣломъ, а попадаютъ въ цѣпкiя лапы слишкомъ „зрячихъ" и слишкомъ „сознательныхъ" заправилъ Центральнаго Хозяйственнаго Управленiя.

Управленiе вещами, этотъ пресловутый лозунгъ, долженствующiй смыть всякое подозрѣнiе съ г.г. организаторовъ производства въ коллективизмѣ, предстало предъ нами въ своемъ настоящемъ видѣ: это болѣе интенсивная степень господства надъ людьми. Они одѣлись въ скромный плащъ управляющихъ вещами. Они только организовываютъ вещи, трудъ, производство, и только. А знаете ли вы, что такое организацiя производство?

Организацiя производства стягиваетъ все живое; въ организацiи, умственной сторонѣ борьбы за существованiе, собственно и воплощается творческое начало труда; она собственно и есть живой нервъ труда, она его и дѣлаетъ привлекательнымъ и оживотворяющимъ. Прогрессъ человѣка ко все большей мощи и выражается въ увеличенiи его организаторскихъ способностей. Организаторы будущаго сосредоточатъ весь прогрессъ въ своемъ лицѣ. Прогрессъ будущаго, это безконечное стремленiе къ побѣдѣ власти надъ стихiйными силами природы, эта все захватывающая волна мощи, которая увлечетъ за собою человѣка — этотъ прогрессъ будетъ осуществляться черезъ организаторовъ.

Организаторы станутъ сверхчеловѣками, жадно питающимися массами. Чтобы воплотить въ фактѣ въ дѣлѣ свое внутреннее изобилiе, свою духовную роскошь, они будутъ приводить въ движенiе массы, дѣлая ихъ послушнымъ матерiаломъ для своей разыгравшейся фантазiи. Конечно, какъ всегда благо этихъ массъ будетъ тѣмъ фиговымъ листомъ, которымъ они прикроютъ свои замыслы. Организовывать. орудовать массами для цѣлей, поставленныхъ имъ ихъ собственной капризною волею, будетъ одновременно ихъ духовной и матерiальной пищей. У нихъ не будетъ собственныхъ фабрикъ и имѣнiй? А государство — развѣ не ихъ фабрика и не ихъ имѣнiе? Немного сожрутъ они мяса и сладостей, — во всякомъ случаѣ не болѣе того, чѣмъ въ состоянiи выдержать человѣкъ, но много поглотятъ они живыхъ людей, много напьются они жизни тѣхъ, которыхъ они обездушили и сдѣлали пассивными орудiями своей воли.

Впрочемъ, неравенство функцiй въ коллективизмѣ найдетъ свое воплощенiе и въ неравенствѣ удовлетворенiя и чисто матерiальныхъ потребностей. Ибо одаренные болѣе богатыми духовными потребностями ищутъ и находятъ матерiальное, имъ соотвѣтствующее выраженiе, а кто духовно нищъ, тотъ бѣденъ и матерiальными потребностями. Но ихъ духовный гнетъ будетъ въ тысячу разъ болѣе ужасенъ, нежели матерiальный; они будутъ истинными владѣльцами всѣхъ духовныхъ богатствъ и культурныхъ достоянiй.

Вы говорите, что номинально классовъ не будетъ? Но узаконенiе ихъ положенiя не замедлитъ воспослѣдовать; нормы, освящающiя ихъ фактическое господство, выработаются сами собой. Достаточно того, что что занимающiе почетную должность организаторовъ производства, фактически будутъ представлять собою царьковъ со всѣми ихъ замашками. Это только первая стадiя, за которой слѣдуетъ вторая.

Ко „благу общества" они совершенствуютъ свои организаторскiе таланты, специализируются, дѣлаются незамѣнимыми; ихъ то и дѣло выбираютъ. Будутъ двѣ прогрессирующiя въ своей обособленности другъ отъ друга функцiи, — организаторская и исполнительная, — ибо органы, исполняющiе извѣстную функцiю, всегда развиваются въ направленiи своей функцiи.

И обѣ стороны должны примѣняться одна къ другой. Организаторъ долженъ для блага цѣлаго стать самымъ лучшимъ организаторомъ, исполнитель самымъ аккуратнымъ исполнителемъ. И, конечно, для блага того же цѣлаго, чтобы эти функцiи не мѣшали другъ другу, издаются правила, обрамляющiя эти самыя функцiи. Эти правила вовсе не должны быть открыто насильственнаго характера, они должны только подразумѣвать, молчаливо констатировать, что существуютъ двѣ отдѣльныя функцiи, какъ они уже будутъ усиливать противоположность между ними. Вотъ эти то правила обращаются въ повелительные законы, какъ только нормальное, мирное теченiе дѣлъ смѣняется бурнымъ, тормазится съ той или другой стороны какимъ нибудь увлеченiемъ. выходящимъ изъ рамокъ, предоставленныхъ правилами. Первый же протестъ исполнителя, несоблюденiе имъ правила выковываетъ изъ невиннаго правила карающiй законъ. И если даже начато было безъ злого умысла (что врядъ ли допустимо), то кончится ужъ непремѣнно насилiемъ.

Итакъ коллективизмъ, выливается въ централизацiю производства и полноту власти, онъ есть прямое продолженiе капитализма, регулируя производство въ томъ же насильственномъ направленiи, въ томъ же духѣ господства производства надъ производителемъ. Но если въ капитализмѣ такое направленiе въ производствѣ отвѣчаетъ интересу капиталиста, то въ коллективизмѣ регуляторомъ будетъ интересъ организатора-капиталиста, который искусно будетъ маскироваться за потребностями производства.

Коллективизмъ тѣсно сплетается съ государствомъ, онъ предполагаетъ государство, какъ свое условiе. Коллективизмъ это особая форма политико-экономическаго насилiя, — онъ извлекаетъ изъ капитализма его слабости — частное владѣнiе орудiями труда, и сохраняетъ его сильныя стороны, которыми онъ властвуетъ надъ массами — наемную систему.

И вовсе немыслима операцiя раздѣленiя между коллективизмомъ и государствомъ, и усматривать всю сущность коллективизма въ вознагражденьи по труду. Послѣднее есть только одно изъ неизбѣжныхъ послѣдствiй государственнаго управленiя производствомъ.

Б. Линцовъ.

Партія с.-р. и дѣло Петрова.

Рѣдко приходится политическимъ партіямъ испытывать такой затяжной кризисъ, какой переживаетъ теперь П. С.-Р. Какъ ни печально, но приходится констатировать, что въ этомъ повинны не только правительственная система провокаціи, но также и центральныя учрежденія, которыя не сумѣли обезвредить ее такъ, чтобы сохранить жизненность партіи. Какъ ошибочно думать, что Азефъ погубилъ русскую революцію, такъ не менѣе нелѣпо допустить, что онъ обезсилилъ партію. Дѣло Азефа, которымъ начался кризисъ П. С.-Р. было сложно, огромно, но не настолько опасно, чтобы можно было ждать тѣхъ результатовъ, къ которымъ привела дѣятельность высшихъ органовъ партіи; внѣ спора что разрушительная работа Азефа ужасна, но при извѣстномъ отношеніи къ ней, она послѣ удаленія Азефа изъ партіи, могла бы быть отнесена всецѣло за счетъ прошлаго и о ней можно было бы говорить, какъ о печальномъ фактѣ, имѣвшемъ когда то мѣсто въ П. С.-Р., но не больше.

Теперь же, послѣ той роли, которую игралъ Ц. К. въ исторіи Азефскаго дѣла, получается нѣчто большее, — приходится сказать, что Азефъ былъ не только прямымъ виновникомъ всѣхъ бѣдствій, связанныхъ съ его провокаціей, но и косвеннымъ виновникомъ разрушенія партіи. Вотъ это то послѣднее должно быть поставлено всецѣло въ вину Ц. К. Прямымъ виновникомъ гибельнаго состоянія партіи является не Азефъ, а центральныя учрежденія. Ошибки Ц. К. въ ликвидаціи азефскаго дѣла были огромны. Объ этомъ довольно обстоятельно писалось въ „Р. М." и „Быломъ". Ставъ съ самаго начала на ложный путь, Ц. К. и въ дальнѣйшемъ продолжалъ на немъ оставаться. Въ послѣдующихъ работахъ онъ обнаружилъ свое полное безсиліе и неспособность справиться съ возложеннымъ на себя дѣломъ. Вмѣсто того, чтобы сейчасъ же вслѣдъ за разоблаченіемъ Азефа приступить къ самому тщательному разслѣдованію, могущихъ возникнуть послѣдствій, чтобы напречь всю свою энергію на оздоровленіе партіи, — Ц. К. расходывалъ свои силы главнымъ образомъ на то, чтобы доказать свою невиновность въ періодъ разоблаченія Азефа. Вмѣсто того, чтобы отбросить отжившіе принципы въ области организаціи, благодаря которымъ азефская провокація имѣла возможность такъ глубоко нанести раны партіи, Ц. К. старался внушить ей, что „все обстоитъ благополучно". Парижская конференція, протекшая подъ вліяніемъ Ц. К., оказалась лишенной всякой творческой дѣятельности. Послѣ нее стало ясно, что партія стоитъ на краю гибели. И въ этомъ вина Ц. К. Онъ, въ столь тяжелый періодъ, не обнаружилъ ни дальновидности, ни яснаго пониманія положенія партіи. Ц. К. не сумѣлъ ни использовать всѣ наличныя силы партіи въ интересахъ ея спасенія, не смогъ самъ проявить достаточно смѣлости въ дѣйствіяхъ. И въ результатѣ этой дѣятельности центральныхъ учрежденій получилось удручающее безнадежное состояніе партіи. Теперь передъ нами дѣло Петрова. То отношеніе, въ которое стали къ нимъ представители партіи вновь доказываетъ сказанное нами, что къ гибели партіи ведутъ ея центральные органы.

Извѣщеніе П. С.-Р. ставитъ цѣлый рядъ вопросовъ: правиленъ ли тотъ выходъ, къ которому прибѣгли представители партіи, не нарушились ли ими революціонныя традиціи и не было ли возможности иначе рѣшить вопросъ объ отношеніи партіи къ Петрову? Изъ заявленія мы прежде всего узнаемъ, что представители не поняли, въ какое положеніе поставило партію, вынесенное ими рѣшеніе по дѣлу Петрова. По какому то странному недоразумѣнію они, выслушавъ разсказъ Петрова, рѣшили, что должны выступить только въ качествѣ судей. Весь вопросъ для нихъ свелся къ тому: оправдать ли Петрова и дать ему возможность „обезвредить" свой поступокъ или обвинить и исключить его изъ партіи, точно дѣло шло о чемъ-то постороннемъ, точно то или иное рѣшеніе не затрагивало принциповъ партіи, будто оно могло бы быть произвольнымъ въ зависимости лишь отъ Петрова, отъ наличности проступка, тѣхъ или иныхъ „смягчающихъ вину обстоятельствъ" и т. д. Въ такомъ упрощенномъ видѣ рѣшить вопросъ было не трудно. Если рѣшеніе диктуется интересами только Петрова и при этомъ не принимаются въ соображеніе ни положеніе партіи, ни ея интересы, то найти его было легко. Коль скоро честность и преданность Петрова не подлежатъ сомнѣнію и его поступокъ является лишь простымъ нарушеніемъ извѣстной статьи устава, то пренебрегая формальной стороной дѣла, его можно не исключать изъ партіи; не только можно, но и должно, такъ какъ иначе, по мнѣнію представителей, онъ не могъ бы „искупить совершенное". „Диллема" такъ и была разрѣшена. О партіи ни слова, словно положеніе ея не измѣнилось послѣ принятаго рѣшенія.

На нашъ взглядъ, прежде, чѣмъ было рѣшать вопросъ о томъ, подлежитъ ли Петровъ исключенію или нѣтъ, необходимо было рѣшить, возможно ли вообще въ данномъ случаѣ оставленіе Петрова въ партіи, не въ зависимости отъ статьи устава, а отъ основныхъ принциповъ партіи, не ведетъ ли это къ попранію революціонныхъ традицій, не ставитъ ли оно партіи на ложный путь? И лишь послѣ того, какъ было бы рѣшено, что оставленіе Петрова въ партіи не нарушаетъ ея позиціи, не наноситъ ей моральный ударъ, можно было не исключать Петрова. Мы имѣемъ основаніе думать, что представители такъ не разсматривали этотъ вопросъ или если и разсматривали, то недостаточно серьезно. Въ этомъ ихъ главная ошибка, отъ которой такъ сильно пострадала моральная сторона партіи.

Кажется страннымъ и непонятнымъ, какъ представители не замѣтили, что поступокъ Петрова поставилъ партію въ крайне затруднительное положеніе.

Необходимо было, прежде всего, не судить Петрова, коль скоро его честность и преданность имъ были извѣстны, а вмѣстѣ съ нимъ обдумать, какъ исправить страшную ошибку такъ, чтобы не нарушить революціонныя традиціи партіи, не поставить ее на рискованный путь, не нанести ей моральный ущербъ и не запятнать честь Петрова. Первый вопросъ долженъ былъ быть о партіи, съ точки зрѣнія ея интересовъ необходимо было отыскивать выходъ для Петрова, а не наоборотъ. Представители этого не поняли; для нихъ и послѣ принятаго рѣшенія „въ партіи все обстоитъ благополучно". Немного ихъ печалитъ только то, что пришлось пожертвовать статьей устава.

Но вѣдь вопросъ шелъ не о параграфѣ устава, а о принципіальной позиціи партіи. Относится ли поступокъ Петрова къ такому разряду, который затрагиваетъ лишь уставъ, не больше? Можно ли его разсматривать лишь съ формальной стороны? Намъ, кажется, нѣтъ. Поступокъ Петрова является и нарушеніемъ устава, за что онъ (Петровъ) и подлежитъ партійному суду, но что важнѣе, этотъ поступокъ относится къ такому ряду поступковъ, которые при извѣстномъ къ нимъ отношеніи затрагиваютъ честь партіи, подвергаютъ ее риску, оставляютъ на ней неизгладимый слѣдъ.

Существуетъ органическая связь между партіей и ея членами, взаимная отвѣтственность. Петровъ безъ вѣдома партіи подвергъ ее риску, но до тѣхъ поръ, пока это не было ей извѣстно, отвѣтственность падала всецѣло не него. Коль скоро партіи сталъ извѣстенъ поступокъ, наносящій ей вредъ, и позорящій ее, то для того, чтобы сохранить свою честь незапятнанной у нея было одно средство — исключеніе Петрова изъ партіи. Если же этого не произошло, если же она оставила его своимъ членомъ, то тѣмъ самымъ она сняла съ него всю отвѣтственность и перенесла ее на себя.

Такимъ образомъ, представители оставивъ Петрова въ партіи, взвалили на нее всю отвѣтственность. Почему? Былъ ли поступокъ Петрова слишкомъ незначителенъ, относился ли онъ къ безчисленному множеству тѣхъ мелкихъ нарушеній устава, партійной дисциплины, отъ которыхъ партія не терпитъ существеннаго вреда? Несомнѣнно, нѣтъ. И именно потому, что нѣтъ, партія и испытала такой сильный моральный ударъ, отъ принятаго представителями рѣшенія.

На какой путь, въ какое положеніе, поставило оно партію, видно хотя бы изъ той характеристики, которую даетъ Петровъ своему поступку: „подобный поступокъ, — писалъ онъ, — не можетъ быть оправдываемъ ничѣмъ, никакими расчетами пользы и выгоды, малѣйшій шагъ въ этомъ направленіи наноситъ партіи страшный вредъ и только вредъ, и противорѣчитъ традиціямъ партіи и является поступкомъ недостойнымъ члена П. С.-Р., что, входя въ соглашеніе съ охраннымъ, *рискуешь не собственной только честью, какъ то я понималъ никогда, а честью партіи и, пожалуй, главнымъ образомъ, именно честью партіи, а не своей."*

Такова та дѣятельность Петрова, которая стала извѣстна партіи и которую онъ продолжалъ уже съ ея вѣдома. Петровъ рисковалъ „честью партіи", „наносилъ ей вредъ" и т. д. съ разрѣшенія представителей. Значитъ сама партія по ихъ волѣ молчаливо согласилась на это. Петровъ оставался въ охранкѣ, какъ членъ партіи, съ вѣдома ея представителей.

Это значитъ партія черезъ представителей, а представители черезъ Петрова, — приняли участіе въ его игрѣ. Ужаснѣе всего то, что она вынуждена была пойти по этому пути. Представители, коль скоро Петровъ былъ въ охранкѣ съ ихъ вѣдома, не могли положиться всецѣло на него, не изъ недовѣрія къ нему, а изъ-за сложности, трудности самого дѣла, они должны были контролировать. И получилось нѣчто страшное. Въ извѣщеніи мы читаемъ: «онъ (Петровъ) пишетъ Герасимову и «Вячеславу Михаиловичу» письма *подъ диктовку представителей партіи*." Это ли не игра съ охранкой при посредствѣ Петрова! Воспитательное значеніе такого факта ясно. Вотъ къ какому печальному результату привело рѣшеніе, принятое представителями по дѣлу Петрова. Полное попраніе революціонныхъ традицій и необычайно сильный моральный ударъ.

Мы вправѣ сказать, что тотъ параграфъ устава, съ точки зрѣнія котораго они разсматривали дѣло Петрова, былъ нарушенъ ими же и передъ нимъ они должны быть отвѣтственны.

Таковы послѣдствія, сопряженныя съ оставленіемъ Петрова въ партіи, и удивительно, что ихъ не предвидѣли „представители», когда рѣшали вопросъ о Петровѣ. Случилось это только потому, что они забыли въ тотъ моментъ партію. Насколько они ее забыли, это видно изъ того, что представители не считали нужнымъ даже объяснить почему они поставили партію въ такое положеніе. Для нихъ, отъ отставленія Петрова членомъ партіи пострадала лишь формальная сторона. Нарушенъ будто бы уставъ въ конечномъ счетѣ въ пользу и Петрова, и партіи. Но такъ какъ съ формальной стороны представители считаютъ себя нѣсколько виновными, то они въ свое оправданіе даютъ въ извѣщеніи такое объясненіе:

„Представители партіи стали предъ тяжелой дилеммой: съ одной стороны Петровымъ совершенъ поступокъ, противорѣчащій революціоннымъ традиціямъ, недопустимый для революціонера и наносящій существенный вредъ дѣлу революціи". Такой поступокъ формально запрещенъ партійными постановленіями и долженъ влечь за собой исключеніе изъ партіи и опубликованіе имени совершившаго его. Но, съ другой стороны, передъ ними былъ человѣкъ, предыдущая дѣятельность котораго извѣстна имъ съ самой лучшей стороны, разсказу котораго они не имѣютъ основанія не вѣрить, разсказу котораго вѣрятъ его ближайшіе товарищи. Опубликованіе его имени было бы равносильно закрытію для него возможности искупить чѣмъ-нибудь совершенное. На это представители партіи не рѣшились и поэтому, со всей твердостью отмѣтивъ всю недопустимость дѣйствій такого рода, они разрѣшили ему то, что онъ просилъ, рнзрѣшили обезвредить послѣдствія своего поступка путемъ устраненія одного изъ руководителей сыска въ Россіи". Для совершенія акта Петрову была обѣщана помощь необходимыми техническими средствами, т. е. динамитомъ, оболочками и т. д."

По нашему мнѣнію, ни какой дилеммы не было и не могло быть; во-первыхъ, потому, что не исключать Петрова изъ партіи не возможно было въ завивимости отъ характера его поступка, во-вторыхъ, само исключеніе вовсе не „равносильно закрытію для него возможности искупить чѣмъ-нибудь совершенное».

Передъ представителями стояла задача, спасти честь Петрова при томъ обязательномъ условіи, чтобы при этомъ не запятнать честь партіи. Съ этимъ условіемъ они не посчитались. Что же препятствовало Петрову «искупить совершенное" исключеніе или нѣчто другое? Намъ кажется, что помѣшать ему могло не исключеніе, а связанныя съ нимъ послѣдствія.

Этого то представители и не должны были допустить. Въ извѣщеніи сказано: «опубликованіе Патрова было бы равносильно закрытію для него возможности искупить чѣмъ-нибудь совершенное". Значитъ, все затрудненіе заключается не въ исключеніи, а въ опубликованіи имени Петрова. Чисто формальная зацѣпка. Если бы представители рѣшились пренебречь этой формальностью, а на это они имѣли больше права, чѣмъ на совершенное ими, то тогда передъ ними было бы очень простое рѣшеніе вопроса, которое бы не затрагивая чести партіи, дало бы возможность Петрову выполнить свой планъ. Они должны были бы временнно, *негласно* исключить Петрова изъ партіи, съ предоставленіемъ ему права возвращенія послѣ совершенія своего акта, послѣ разрыва съ охранкой. При такомъ рѣшеніи не страдаютъ ни революціонное достоинство Петрова, ни революціонныя традиціи партіи. Можетъ возникнуть вопросъ: не оскорбило бы оно Петрова? Отнюдь нѣтъ. Петровъ самъ сознавалъ ложность, пагубность своего пути, онъ просилъ у партіи только одного „повѣрить въ его искренность и разрѣшить ему, дать возможность искупить свою вину, доказать чистоту своихъ намѣреній". То рѣшеніе, на которое мы указываемъ, выполняетъ его просьбу. Исключеніе изъ партіи для Петрова не могло быть оскорбительнымъ, еще и потому что оно вытекало не изъ недовѣрія къ нему, а изъ необходимости, ибо передъ партіей было только два пути: или самой пойти по ложной дорогѣ Петрова или остаться вѣрной себѣ. И никогда Петровъ не могъ бы желать перваго.

Если все же такъ произошло, то только потому, что онъ самъ не сознавалъ въ какое положеніе попала партія отъ рѣшенія, принятаго представителями. Петровъ хотѣлъ сохранить свое имя не запятнаннымъ, но не такимъ путемъ, чтобы отъ этого пострадала партія. Вотъ, что онъ самъ писалъ: „я партію люблю, я преданъ дѣлу революціи до самозабвенія, я отдалъ дѣлу освободительнаго движенія всѣ свои силы, способности, знанія и жизнь, такъ теперь я отдаю ему и честь свою". Ясно, что для Петрова революція и партія, служащая ей — все.

Могъ ли онъ отказаться принять то рѣшеніе, которое хранитъ честь партіи, спасаетъ ее отъ моральныхъ ударовъ? Нѣтъ. Принявъ его, Петровъ почувствовалъ бы больше удовлетворенія, чѣмъ онъ испыталъ теперь при томъ снисходительномъ къ нему отношеніи. Онъ чувствовалъ бы себя удовлетвореннымъ и передъ собой и передъ партіей отъ сознанія того, что у него хватило силъ и мужества гордо выйти незапятнаннымъ, смѣло отстоять свою честь и честь партіи. И такое сознаніе было бы наградой ему за его тяжелую жизнь, полную революціонной отваги и мученичества.

Значитъ дилеммы ни какой передъ представителями партіи не было.

Ее создало недомысліе, безпомощность и растерянность, ведущее партію къ гибели! Еще одинъ другой такой моральный ударъ и партія погибла. Рѣшеніе представителей не только не предотвращаетъ возможность таковыхъ, но еще вызываетъ ихъ. Найдутся подражатели Петрова, съ столь же искренними побужденіями, но надо помнить, что не у всѣхъ хватитъ мужества и силы кончить такъ, какъ Петровъ. Петровъ закляль свой ложный путь, отдавъ жизнь свою, но есть вѣдь и другой конецъ, къ которому такъ усердно звали Герасимовы, и кто можетъ поручиться, что не окажется слабыхъ, способныхъ стать Азефами. Представители своимъ рѣшеніемъ не укрѣпили, а ослабили заклинаніе Петрова. И въ этомъ вина ихъ, какъ передъ нимъ такъ и передъ партіей. Почему они такъ поступили?

Намъ кажется дѣло Азефа и дѣло Петрова съ достаточной ясностью показываютъ, гдѣ надо искать причины. Пора бы перестать объяснять все случайностями и личными качествами, пора сдѣлать выводъ о самой сущности центральныхъ учрежденій.

О. Буритъ.

Личность, ея борьба, ея идеалъ.

Когда мы говоримъ о личности, мы беремъ не избранную личность, которая противостоитъ массѣ, и не изолированную личность, которая оторвана отъ нея, а каждую отдѣльную личность въ ней. И въ предыдущихъ статьяхъ мы предполагали эту же точку зрѣнія. Мы доказывали, что историческій процессъ совершается черезъ ростъ каждой отдѣльной личности въ массѣ. И дальше, что насиліе замыкается надъ массой, благодаря приниженію каждой отдѣльной личности въ ней, и размыкается, благодаря ея подъему. Здѣсь же мы будемъ говорить о самочувствіи личности въ борьбѣ ея за свое самоутвержденіе, о ея субъективномъ взглядѣ на себя и окружающее, о настроеніяхъ, которыя рождаются въ ней, когда она внутренно ощущаетъ свой ростъ, назрѣваніе новыхъ, неиспытанныхъ силъ. И это опять таки должно было бы относиться къ каждой отдѣльной личночсти въ массѣ, ибо въ тенденціи каждый отдѣльный человѣкъ стремится стать личностью, т. е. сознательно борющейся человѣческой единицей. Но въ томъ то и дѣло, что фактически не всегда обстоитъ такъ. Слиш-

комъ заглушено въ человѣкѣ иногда его инстинктивное стремленіе къ мощи, слишкомъ жестоко тиранствуетъ надъ нимъ окружающая среда, чтобы голосъ просыпающихся силъ всегда достигалъ до его сознанія. Субъективно же мы правы, утверждая, что то, что намѣчается въ личности какъ тенденція, что только находится въ періодѣ наступленія, уже присутствуетъ въ ней цѣльно и нераздѣльно. Ибо своимъ утвержденіемъ, мы содѣйствуемъ, по крайней мѣрѣ, для тѣхъ изъ насъ, которые пробудились и осознали свое пробужденіе, превращенію тенденціи въ фактъ, въ дѣйствительность: если только вслѣдъ за этимъ утвержденіемъ воспослѣдуютъ соотвѣтственныя дѣйствія.

Но было бы черезъ чуръ рискованно посмотрѣть на всю дѣйствительность съ точки зрѣнія личности и заключить, что то, что мы видимъ въ тенденціи, есть уже всеобщее, распространенное явленіе. И тутъ мы должны предоставить повода объективной методѣ, которая наблюдаетъ факты такими, какіе они есть на самомъ дѣлѣ, изслѣдуетъ отношенія въ томъ видѣ, какъ ихъ спутала дѣйствительность, которая не пытается насильственно приводить въ согласіе грубую правду съ желаніемъ личности. Да, субъективная метода можетъ указать на извѣстную тенденцію, но можетъ также привести къ преувеличеннымъ результатамъ, — объективная метода призвана коррегировать ея ошибки. Обѣ методы дополняютъ другъ друга, образуя одно цѣлое, одно орудіе для изслѣдованія дѣйствительности въ процессѣ ея вѣчнаго роста, вѣчнаго осуществленія.

* * *

Воля къ мощи — это пружина, которая приводитъ въ движеніе механизмъ жизни. Не принципъ самосохраненія — не просто желаніе жить, существовать, какъ обыкновенно принимаютъ, — проявляется въ дѣятельности человѣка, а воля къ чему-то, что выше жизни, воля къ ея преобoренію, къ ея преодолѣнію. Жизнь должна превзойти самое себя — вотъ тайна жизни. Стремленіе къ цѣли, къ далекому, высокому и глубокому есть только другія названія для той же тайны. Испытать сильнѣйшій жизненный импульсъ, сдѣлать самое глубокое вдыханіе жизни — вотъ то счастье, которое обѣщано человѣку, о которомъ онъ вѣчно тоскуетъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ это тотъ критерій, высшая цѣнность, съ которой онъ сравниваетъ всѣ низшія цѣнности, которыя жизнь ему преподноситъ: радости и страданія, страсти и дѣйствія.

Нѣтъ, жизнь не высшее благо, которымъ онъ дорожитъ; развѣ онъ не жертвуетъ своей жизнью, добиваясь чего то лучшаго? Чего же онъ ищетъ? Не можетъ же онъ въ самомъ дѣлѣ забрасывать своей цѣли позади жизни, по ту сторону жизни, въ потопъ небытія; чувство жизни не можетъ черпать свое содержаніе изъ нежизни, изъ смерти, — такъ во имя чего онъ отдаетъ свою жизнь? Это *моментъ* ея отдачи, котораго онъ жаждетъ; это радость побѣды надъ ней, которая сіяетъ ему навстрѣчу.

Достаточно бросить легкій взглядъ на ходъ развитія живыхъ организмовъ, чтобы убѣдиться, что борьба за существованіе не есть только процессъ самосохраненія — *пребыванія* въ жизни — но процессъ самоутвержденія, завоеваніе все большей жизни, все большей мощи. Нѣтъ постояннаго уровня жизни. Или поднимаются надъ прежнимъ уровнемъ, или опускаются еще ниже. Въ борьбѣ или побѣждаютъ, или падаютъ. Устраняя какое либо препятствіе со своего пути, организмы не возвращаются назадъ, на ту ступень, гдѣ они прежде стояли, а взбирались на слѣдующую. Что раньше было опасностью, то теперь уже не опасность. Застраховались противъ нея, вооружившись новой силой.

И если мы подойдемъ поближе къ первоисточникамъ такъ называемаго инстинкта самосохраненія, то передъ нами развернется борьба, которая разыгрывается въ самомъ организмѣ, и мы увидимъ, что вся внутренняя жизнь организма состоитъ въ вѣчномъ преодолѣваніи и восторжествованіи надъ мертвыми и живыми тѣльцами, которыя, или прокрадываются со стороны, извнѣ, какъ чужіе, непрошенные гости, — и нѣтъ покоющагося состоянія въ организмѣ, и никогда не устанавливается того равновѣсія, къ которому организмъ возвращался бы послѣ того, какъ оно было нарушено. Нѣтъ сохраненья жизни, а есть ея увеличенье или уменьшенье. Потокъ жизни, пускай онъ будетъ малъ, какъ капля, или широкъ, какъ море, или совсѣмъ высыхаетъ, или заливаетъ берега. Жизнь или спадаетъ, или распространяется кругомъ. О стояніи на одномъ мѣстѣ не можетъ быть и рѣчи.

И нѣтъ разницы между духовной и животной частью организма, хотя первая титулуетъ себя высокимъ именемъ: *душа*, чтобы доказать, что она аристократическаго происхожденія, отъ святого духа, что она совсѣмъ независима отъ тѣла, что она образуетъ собой особый міръ съ особыми интересами.

И на этомъ основаніи она требуетъ себѣ полной автономіи, претендуя на то, что она продѣлала свою собственную исторію развитія, пережила свой собственный процессъ, въ который, молъ, тѣло до сихъ поръ не вмѣшивалось. Да, тѣло таки принадлежитъ къ міру организмовъ и развивается по законамъ, которые обязательны для животнаго міра, и прежде всего закону борьбы за силу и власть, но все это не касается ея, души, — она де думаетъ, чувствуетъ, желаетъ, такъ какъ то, что она думаетъ и чувствуетъ, и желаетъ, само по себѣ цѣнно и обязательно.

Нѣтъ же! Не существуетъ двухъ хозяйствъ въ организмѣ. Тѣло и душа составляютъ одно живое цѣлое, то, что открываетъ себя черезъ „я". Организмъ создалъ себѣ изъ души орудіе воли. И за всякими мыслями и желаніями стоитъ онъ, мощный повелитель, тотъ, кто хочетъ, — тѣло, организмъ. И всѣ тѣ фокусы, которые душа показываетъ — чарующія картины, которыя фантазія набрасываетъ, живописная пестрота, которой окрашиваются чувства, эта безконечная тоска по невѣдомому, что придаетъ такую прелесть простому грубому желанію — все это не что иное, какъ побочный путь къ тѣмъ же цѣлямъ, которые поставилъ себѣ организмъ въ цѣломъ.

И даже тогда, когда кажется, что душа идетъ аттакой на тѣло, когда она проповѣдуетъ бѣгство отъ тѣлеснаго наслажденія, отреченіе и самобичеванье, не надо думать, что вотъ наконецъ то душа освободилась отъ тѣла и загуляла по своевольнымъ путямъ... Нѣтъ! И это дѣлаетъ она въ исполненіе воли своего вѣчнаго господина, тѣла, которому захотѣлось положить себѣ конецъ, такъ какъ оно устало жить, устало продолжать борьбу, и потянуло его на отдыхъ, на покой. И потому то она возненавидѣла тѣло, но даже черезъ эту ненависть проглядываетъ жгучая зависть къ жизнеспособнымъ! Ибо только для того, чтобы облегчить отступленіе организму, чтобы скрасить его паденіе, душа запѣла хвалебный гимнъ добровольному воздержанію. И можетъ, что за всѣмъ этимъ скрывается потаенное намѣреніе — уберечь хоть немножечко жизненныя силы отъ расточительности при агоніи, чтобы хоть на одинъ лишній моментъ удержаться еще при жизни? А можетъ еще и то, что вся эта ненависть къ собственному тѣлу есть своего рода искусственный медикаментъ, бальзамъ, который не дастъ запаху гніенія проникнуть наружу черезъ поры и отверстія заживо разлагающагося организма. И вся эта философія презрѣнія къ собственному тѣлу съ его постояннымъ придаткомъ — набожнымъ указаніемъ на вѣчную жизнь за гробомъ, какъ на награду, есть не болѣе какъ надпись на могильномъ памятникѣ живого мертвеца. Мысль о смерти есть явленіе, сопровождающее саму смерть. Тѣло умираетъ, а душа обволакивается поэзіей смерти.

И какъ часто мысль убѣгаетъ отъ земли, закидывается до небесъ, до того свѣта, до духа всѣхъ духовъ — бога, и воображаетъ, конечно, что вотъ она совсѣмъ отдѣлилась

отъ своего грязнаго провожатаго — тѣла, и горько же она ошибается! Ибо эта мечта о томъ свѣтѣ, о потустороннемъ мірѣ, съ его главной фигурой — господомъ-богомъ, — опять таки не болѣе какъ послѣдняя надежда тѣла, которое, отчаявшись въ самомъ себѣ, потерявши твердую почву подъ собой, стало метаться и кидаться въ ужасѣ и страхѣ — и вдругъ оно натолкнулось на нѣчто крѣпкое, устойчивое и неподатливое и назвало его своей опорой, своимъ богомъ, а было это ни что иное, какъ его собственная упорная воля къ жизни. Земля ушла изъ подъ его ногъ, и оно вдругъ услышало, какъ заговорили подземныя силы. Тѣло упрямо, застывшими пальцами оно цѣпится за существующее, опять и опять за этотъ міръ. Увѣровавшіе же въ небо обожествляли свое собственное тѣло, и поклоняясь своему идолу, они оказывали почести самимъ себѣ. Обломокъ ихъ тѣла, кучка пепла на развалинахъ ихъ жизни — вотъ что было ихъ богомъ. И оно также было тѣмъ мостомъ, который повелъ ихъ на тотъ свѣтъ. И *тотъ* свѣтъ обращается къ человѣку через посредство его же собственнаго тѣла.

* * *

И все, что человѣкъ дѣлаетъ, и чувствуетъ, и думаетъ есть только исканіе, погоня организма за силой, властью. Жизнь есть мощь, и во всѣхъ своихъ проявленіяхъ она остается вѣрна самой себѣ. Что, казалось бы, нейтральнѣе безпристрастнѣе мысли. Что ей до себялюбивыхъ стремленій организма? Повидимому, она послушна одной только логикѣ, она какъ будто слѣдуетъ изъ самой себя, идя отъ заключенія къ заключенію. А на самомъ дѣлѣ, нѣтъ ни истиннаго, ни ложнаго, которое было бы истинно или ложно само по себѣ. Они только перила, которыя ведутъ къ полновластной, обильной мощью и волей, личности. Правда только то, что содѣйствуетъ ей въ борьбѣ, что дѣлаетъ ее сильной, ибо правда въ силѣ!

И какъ часто случалось, что то, что составляло собой чистую безсмыслицу, противорѣчіе со всякой логикой, наилучшимъ образомъ сослужило службу отдѣльнымъ личностямъ и цѣлымъ народамъ, выведя ихъ отъ слабости и угнетенія къ мощи и величію. Тогда ложное имѣетъ въ себѣ больше истиннаго, нежели сама истина!

И даже самое обозначеніе чего либо истиннымъ и логичнымъ — такъ называемыя оцѣнки — суть не болѣе какъ надписи надъ стремленіями организма. Онѣ истолковываютъ его потребности, указываютъ на направленіе его инстинктивной дѣятельности. И знаніе наше о внѣшнемъ мірѣ, о природѣ, есть не болѣе какъ скрытый комментарій къ смыслу всей жизни организма — завоеванію власти. За его кажущейся логикой вы всегда найдете простыя утвержденія, которыя всѣ сводятся къ одному основному положенію: *такъ* оно есть, такъ какъ *такъ* я хочу, ибо только *такимъ способомъ* я приду къ силѣ!

Ибо сколько мы бы не узнали о природѣ, наше знаніе о ней будетъ содержать только то, какимъ образомъ мы могли бы ее побороть. Наше знаніе о ней есть только выраженіе нашего стремленія къ силѣ. Какова наша сила, въ такія отношенія мы становимся къ природѣ. Мы ее охватываемъ, поскольку мы умѣемъ ее захватывать. Законы, которые мы открываемъ въ природѣ, суть только правила примѣненія нами нашей силы съ цѣлью болѣе цѣлесообразнаго воздѣйствія на нее, болѣе вѣрнаго одолѣнія тѣхъ враждебныхъ силъ, которыми кишитъ окружащая нас природа. И поэтому нѣтъ ни послѣдней причины, ни окончательнаго знанія, ни абсолютной правды о природѣ, такъ какъ нѣтъ предѣла нашей возрастающей силѣ, и мы всегда перешагнемъ поставленные намъ предѣлы и всегда найдемъ еще лучшее выраженіе для примѣненія нашихъ силъ. Это постоянно совершающійся процессъ выработки все новой, болѣе совершенной правды о природѣ будетъ длиться такъ долго, пока мы не одолѣемъ все то, что составляетъ не „мы", т. е. онъ никогда не прекратится.

Пускай это будетъ простѣйшее и естественнѣйшее изъ того, что мы знаемъ, какъ напримѣръ, что каждое явленіе имѣетъ свою причину — чѣмъ дальше, тѣмъ совершеннѣе становится понятіе причины. Когда то слыло за истину, что духъ, молъ, захотѣлъ, чтобы совершилось, и вотъ совершилось. Позже признано было, что богъ повелѣлъ, и еще позже, что сила причинила. Еще недавно утверждали, что слѣдствіе есть прямое продолженіе причины, ея превращеніе, теперь уже идетъ выработка новаго, болѣе совершеннаго понятія о причинѣ.

Это совершенствованіе пониманія слѣдуетъ за тенденціей все увеличивающагося охватыванья силъ природы кругомъ нашей воли. Все большее количество явленій втягивается въ область человѣческой власти надъ природой. И мы не успокоимся, покамѣсть мы сами не станемъ непосредственной причиной всего того, что совершается, т. е. никогда.

* * *

Если природа излагается передъ нами сообразно потребностямъ нашей борьбы за мощь, тѣмъ болѣе человѣкъ и человѣческая исторія. Тутъ мы сами даемъ матеріалъ для тѣхъ законовъ, которые мы образуемъ. И если наше представленіе о процессѣ природы выражаетъ прежде всего нашу позицію въ борьбѣ, то само собою разумѣется, что наше представленіе о нашей собственной природѣ и объ историческомъ процессѣ больше всего разскажетъ намъ о томъ, кто мы сами, авторы этого представленія. Что за философское и соціальное воззрѣніе, таковъ человѣкъ; оно буквально представляетъ собой проэкцію тѣхъ силъ, которыя работаютъ въ насъ.

Сущность кантовской философіи это „категорическій императивъ", повелительный языкъ долга. „Ты долженъ!" Вотъ этому голосу внялъ набожный педантичный профессоръ XVIII столѣтія, каждый шагъ котораго былъ предвидѣнъ, предписанъ и систематизированъ до тончайшихъ деталей. И всѣ его размышленія клонятся къ одному: дать этому голосу выраженіе. Всю свою жизнь посвящаетъ онъ тому, чтобы облечь этотъ голосъ сложнѣйшей музыкой „абсолютнаго въ насъ". То, что намъ кажется результатомъ всей его философіи, ея послѣднимъ выводомъ, было уже заранѣе въ запасѣ, какъ ея первый недоказуемый принципъ. И принципъ, который какъ будто обосновывается всей его системой съ ея запутаннѣйшими мысленными построеніями, виситъ собственно въ воздухѣ. И весь этотъ шумный походъ доказательствъ, посылокъ и заключеній, есть только отчаянная попытка затушевать тотъ фактъ, что логика, къ великому сожалѣнію, совсѣмъ не твердо держится на ногахъ. Философствованіе есть простой переводъ съ настроенія въ мысль. Философія есть комментарій къ жизненному пути философа.

Что касается соціальныхъ воззрѣній, то какъ общее правило будетъ вѣрно положеніе, что чѣмъ откровеннѣе они выдаютъ себя за то, что они есть, т. е. за выраженіе тѣхъ цѣлей, которыя ставитъ себѣ человѣкъ, тѣмъ способнѣе они дѣлаютъ его къ борьбѣ. Если они отрицаютъ всякую зависимость между историческимъ процессомъ и дѣятельностью человѣка, какъ агента исторіи, то это первый признакъ, что они хотятъ выговорить ему право оставаться пассивнымъ, когда вокругъ будетъ кипѣть общественная борьба. Если же они открыто признаютъ, что соціальный процессъ есть дѣло рукъ человѣческихъ, если они выдвигаютъ на передній планъ исторіи дѣятельность человѣка, то это означаетъ, что исповѣдующій ихъ стремится поставить исторію въ зависимость отъ своей воли. Онъ активный агентъ исторіи.

Приведемъ нѣсколько образчиковъ соціальной философіи. Вотъ интеллигентъ, вожакъ, мнящій себя руководителемъ рабочихъ. Являясь человѣкомъ, не непосредственно ощущающимъ прижимъ капитала, а размышляющимъ о немъ,

онъ играетъ задерживающую и тормозящую роль въ движеньи. Какъ „мыслитель" онъ старается все прошедшее подвести подъ обобщенія; онъ устанавливаетъ законы, по которымъ двигается жизнь и непремѣнно хочетъ и будущее впрячь въ исповѣдуемыя имъ догмы. Но движеніе впередъ всегда заключаетъ въ себѣ нѣкоторый разрывъ съ прошлымъ, нѣчто, присоединяющее плюсъ къ прошлому. Жизнь требуетъ дерзновенья и порыва, къ чему „мыслитель" не способенъ. Онъ, учившійся у прошлаго, никакъ не допуститъ, чтобы новое незамѣтно подкралось, и разрушило бы его схемы и свело бы на нѣтъ его „ученость". Отсюда его безпощадная бобьба со всѣмъ смѣлымъ и новымъ, самопроизвольно возникающимъ въ рабочемъ движеньѣ.

И выдумалъ онъ для себя философію — историческій матеріализмъ. Историческій матеріализмъ есть идейное выраженье насилья буржуазіи и класса, наслѣдующаго у нея господство надъ массами, — организаторской интеллигенціи. Только въ этой теоріи господство буржуазіи преломилось въ господство орудія труда надъ человѣкомъ. Идея экономической необходимости, которая является краеугольнымъ камнемъ этой теоріи, отражаетъ тираническое значеніе орудія труда т. е. буржуазіи. Человѣкъ только околачивается около этой необходимости, дѣлая въ ней незначительныя поправки, но ничего существующаго въ ней онъ измѣнить не можетъ. Ихъ необходимость вѣчно борется съ человѣкомъ и побѣждаетъ его. Только въ далекомъ будущемъ восходитъ заря свободы, и человѣкъ самъ станетъ творцомъ своей борьбы.

И вотъ именно это преклоненіе передъ необходимымъ зломъ настоящаго, сопровождаемое вѣрой въ грядущее блаженство и изобличаетъ въ с.-д. ской идеологіи интеллигентскую подоплеку. Какъ спеціалистъ своего дѣла, какъ привыкшій замѣнять дѣйствія идеями, интеллигентъ и соціалистическія дѣла замѣняетъ соціалистическими абстракціями. Онъ идейно связываетъ неприглядное настоящее съ прекраснымъ будущимъ, онъ заполняетъ весь этотъ промежутокъ схемами, засоряя все сознанье рабочаго класса программами различныхъ степеней приближенья къ соціализму, и серьезно убѣжденъ въ томъ, что перекинулъ мостъ къ соціализму.

Буржуазный утопистъ, опирающійся на насиліе и нуждающійся въ немъ и впредь, въ свою очередь вѣритъ въ неизбѣжность зла, но гдѣ то тамъ вдали ему также чудится что то свѣтлое, хорошее, неясное для него самого, о чемъ можно говорить только въ самыхъ смутныхъ выраженіяхъ, съ улыбкой многообѣщающей и манящей. Черный фонъ, а на немъ свѣтленькая точечка — вотъ утопія буржуазіи. Неизбѣжное само собой перерождается въ счастье, само собой безъ подталкиваній.

И совсѣмъ упитанный буржуй вѣдь тоже позволяетъ себѣ мечтать. Хотя „человѣкъ" и съежился въ буржуѣ и обратился въ карлика, но этому карликовому человѣчку душно подъ этой упитанностью и пресыщенностью. И заговоритъ этотъ человѣчекъ, задыхающійся въ буржуѣ и заблагодушничаетъ буржуй, и, тронутый несчастнымъ видомъ замученнаго имъ раба, пообѣщаетъ ему уйму разныхъ благъ, хотя и не въ такомъ близкомъ будущемъ: и сытость и довольство и даже свободу, умѣренную мудростью. Онъ проповѣдуетъ прогрессъ и цивилизацію. Нынѣшняя форма производства доведетъ дѣло до благополучнаго конца. Конечно, его мечты немного отличаются отъ с.-д.-скихъ: въ будущемъ своемъ царствѣ прогресса онъ все таки останется буржуемъ. Вѣдь для того, чтобы научиться мечтать по с.-д.-ски, онъ долженъ былъ бы по теоріи претерпѣть маленькую метаморфозу: лишиться вслѣдствіе концентраціи своего мѣста въ буржуазномъ руководствѣ хозяйствомъ, превратиться въ с.-д., и ему будетъ удѣлено мѣсто въ с.-д.-скомъ управленьѣ хозяйствомъ.

Ну, а если буржуазія разжирѣла и разнѣжилась, и мечтать ей стало лѣнь, она и выдѣлитъ изъ своего нутра духовника, котораго спеціальная задача и заключается въ томъ, чтобы выдумывать утѣшительныя фантазіи и успокоительные миѳы. У духовника всегда ворохъ средствъ и мазей для накладыванья на жгучія раны народныя. А если боли до того увеличатся, что страдать народу станетъ не въ моготу, и онъ грозитъ выйти изъ терпѣнья, духовникъ и пообѣщаетъ ему высшее блаженство: царство божіе на томъ свѣтѣ, съ массой святыхъ, съ господомъ богомъ во главѣ, которымъ вѣчно можно будетъ поклоняться. А пока же въ напоминанье о великомъ будущемъ блаженствѣ, въ утѣшенье и успокоенье изстрадавшемуся человѣку, ему позволяютъ мечтать и молиться, и горе народное скрашено мечтой о блаженствѣ. Религія тоненькій налетъ счастья на крупномъ реальномъ горѣ. И для того, чтобы духовникъ могъ исполнять свою высшую функцію, онъ долженъ наслаждаться всѣми благами земными. Если здравствуетъ духовникъ, народу легче терпѣть!

* * *

И еще болѣе самостоятельной, творческой, личной является личность въ области морали. Мораль каждаго изъ насъ есть его собственное законодательство. Если наши воззрѣнія о природѣ отражаютъ общечеловѣческую борьбу съ ней, то они уже не могутъ стать личной собственностью каждаго изъ насъ; соціальныя же воззрѣнія возникаютъ въ соціальной борьбѣ; соціальную силу индивидъ пріобрѣтаетъ въ союзѣ съ тѣми, которые находятся въ одинаковомъ съ нимъ положеньѣ, — соціальныя воззрѣнія это большей частью классовыя и групповыя воззрѣнія. Какъ первыя, такъ и вторыя говорятъ о томъ, какъ возрастаетъ сила человѣка вообще. Моральныя же воззрѣнія составляютъ болѣе интимную собственность. Каждый самъ по себѣ долженъ опредѣлить, что является его добромъ, и что зломъ. — Ибо для каждаго предначертанъ особый путь развитія. Тайны своихъ внутреннихъ переживаній онъ вправляетъ въ свои моральныя цѣнности. Новое твореніе, которое въ немъ становится, объявляетъ черезъ его мораль о томъ, что оно грядетъ. Чужой законъ точно бритвой срѣзываетъ живые ростки. Кто ревниво не оберегаетъ свои собственныя повелѣнія, тому не хватаетъ импульса къ жизни; кто не является господиномъ своей собственной морали, тотъ не долженъ претендовать на названіе личности.

Организмъ самъ долженъ свидѣтельствовать, что для него добро и что зло. Ибо онъ это и есть, который вкладываетъ въ нихъ ихъ достоинства. Ничего посторонняго, ничего взятаго на прокатъ не смѣетъ стать передъ нимъ и крикнуть въ повелительномъ тонѣ: Я твое добро! И я твое зло! Ибо черезъ свое добро и свое зло организмъ заявляетъ о той силѣ, которой онъ алчетъ, черезъ нихъ говоритъ уже его растущая сила. Это тотъ господскій языкъ, на которомъ онъ обращается ко всей вселенной, ко всему тому, что еще не составляетъ его „я", и выражаетъ свою волю: Я хочу васъ завоевать, я хочу васъ подчинить себѣ!

Для организма не существуетъ предписаннаго пути, который велъ бы его къ цѣли, лежащей внѣ его. Заранѣе не опредѣлено для него направленіе, по которому онъ долженъ пуститься. Но онъ владѣетъ компасомъ, такъ сказать, инстинктомъ пути, который въ каждый данный моментъ указываетъ ему, куда итти. Это его жажда, его исканіе болѣе интенсивной, болѣе полной жизни. Въ каждый данный моментъ организмъ какъ бы выбрасываетъ магнитъ, который обращается туда, откуда ожидается великая волна жизни. Потребность въ жгучей и кипучей жизни всегда на лицо. Препятствія, которыя должны быть устранены, раны, которыя должны быть залѣчены, все несовершенное и порочное, что обусловливаетъ слабость и безсиліе организма — отбрасываетъ отъ себя тѣнь, куда сейчасъ же направляется яркій свѣтъ отъ солнца жизни и освѣщаетъ онъ то завѣтное мѣсто, гдѣ хранятся сокровища силы и

здоровья. Организмъ сейчасъ же чувствуетъ себя привлеченнымъ ими, и черпаетъ онъ оттуда безъ конца цѣлительную и живительную благодать. Ибо смыслъ организма это жизнь, которая стремится къ своему умноженію, и распространенію, ибо онъ самоцѣль, міръ самъ по себѣ, все растущая сила, все охватывающая мощь, все расширяющаяся автономія.

И поэтому то, хотя и не существуетъ ни долга, ни обязанности, ни заповѣди, ни добродѣтели, не общеобязательной, твердо установленной для всѣхъ временъ нормъ для его поведенія, — но въ каждый данный моментъ организмъ создаетъ себѣ норму, долгъ и обязанность, съ которой онъ вынужденъ считаться. Онъ всегда слышитъ голосъ, обращенный къ нему: вотъ то, что ты долженъ, вотъ то, что ты обязанъ, вотъ то, чего ты не смѣешь не дѣлать, и онъ преисполняется святымъ чувствомъ благоговѣнія и ему кажется, что онъ провинится на вѣки, если не послушается этого голоса. Вотъ это каждый разъ ему открывающееся сознаніе долга есть ничто иное, какъ предчувствіе наивысшаго жизненнаго подъема, наиглубочайшей жизненной радости, наиболѣе жгучаго жизненнаго огня. *Мой* долгъ всегда передо мной, *моя* оцѣнка добра и зла никогда не прекращается, ибо жизнь есть безпрестанное внѣдреніе организма въ ходъ вещей и событій, которыя его окружаютъ, съ которыми онъ сталкивается.

* * *

Но наиболѣе творческой является личность въ области дѣйствованія. Идея есть предрасположеніе къ творчеству дѣйствіе есть ужъ самъ актъ творенія. Дѣйствіе это осуществленіе скрытыхъ въ личности возможностей, воплощающаяся частица новой личности. Система различныхъ дѣйствій въ направленіи роста личности есть процесъ ея перерожденія.

Идея стремится облечься въ плоть и кровь. Она первая стадія становленія, которое ищетъ своего завершенія. Идея это начало дѣйствія, она матеріальное движеніе при его зарожденіи, и только черезъ дѣйствіе она вполнѣ заканчивается и получаетъ свое ясное и точное содержаніе. Только перелившись въ дѣйствіе, она опредѣляется вплоть до своей сущности.

Если идея насильственно втискивается назадъ въ стадію чистаго представленія, она хирѣетъ, блѣднѣетъ, теряетъ свою жизненную силу и вывѣтривается изъ головы, она становится узелкомъ въ той паутинной ткани, которая опутываетъ мозгъ въ видѣ „міросозерцанія". Идея становится символомъ того, что носитель ея причастенъ къ какому то исповѣданію; образуются цѣлыя системы мыслей, которыхъ спеціальное призваніе оставаться безплодными и причинять безплодіе всѣмъ тѣмъ, которые имѣютъ къ нимъ прикосновенность, онѣ остаются вѣчными бездѣтными самками, которыя не понимаютъ заповѣди: „плодитеся и множитеся", и всѣ тѣ, которые отдаются имъ, совершаютъ противоестественный актъ разврата. Бѣсноватые такими идеями величайшіе враги дѣйствія. Имъ кажется, что святотатственно разрушаютъ тѣ зданія, которыя они возводили съ такими усиліями и мученіями. Они страшатся дѣйствія, какъ бѣшенная собака воды.

Многіе воображаютъ, что такъ какъ дѣйствіе носитъ въ себѣ смыслъ, цѣль и намѣреніе, что оно такъ сказать осіянно идеей, поэтому, заключаютъ они, идея всегда и во всѣхъ случаяхъ должна предшествовать дѣйствію. Съ такой же логикой, когда то философы убѣждали людей, что тѣ понятія, которые они имѣютъ о предметахъ, предшествовали въ своемъ возникновеніи самимъ предметамъ.

„Раньше выясни себѣ вполнѣ, что хочешь дѣлать, а потомъ и дѣлай!" Но въ борьбѣ личности за ея самоутвержденіе какъ разъ противоположное будетъ вѣрно. Ибо приниженная, угнетенная личность не разъ додумывалась до причинъ того ужаса, въ которомъ она обрѣтается. Она не разъ просыпалась, не разъ понимала она, не разъ мозгъ ея зажигался свѣтлой мечтой... А что же? Она опять и опять погасала! Да развѣ она не понимаетъ, что ея жизнь плачевна и несчастна, да развѣ она не знаетъ, чего ей не хватаетъ, развѣ ей незнакомы ея угнетатели? Но все это ни къ чему не ведетъ! Ея пониманіе, ея знаніе улетучивается какъ дымъ, такъ какъ оно не отражается въ ея дѣйствіяхъ.

То, что недоставало дѣйствія, сдѣлало ее непонимающей. Только мужество могло бы научить ее немеркнущему пониманію. Но мужество не рождается отъ выслушиванія проповѣдей, мужество рождается въ борьбѣ.

Поэтому первой обязанностью личности, сознавшей себя, это активность, первой ея заповѣдью — борьба! Только революціонное движеніе вынесетъ наружу то настроеніе, которое лежало замертво, связаннымъ, замкнутымъ, неоформленнымъ, смутнымъ комкомъ горечи и недоумѣнія.

И болѣе того, дѣйствіе дѣлаетъ то, на что идея никогда не имѣла поползновенія. Оно вырываетъ личность изъ заколдованнаго круга традиціонныхъ представленій и ставитъ ее въ совершенно новыя отношенія къ фактамъ окружающей среды. Оно втягиваетъ ее въ круговоротъ совершенно новой дѣятельности, Есть нѣчто, что доступно только совершающимся фактамъ: сломить факты старые, закоренѣлые, осѣвшіе въ душѣ толстыми слоями психическихъ осадковъ. Ихъ нельзя ни оговорить словами, ни обойти молчаніемъ, ни растворить и разжижить идеями. Ихъ можно только вытѣснить новыми отложеніями психическихъ пластовъ. И надо вновь и вновь посылать руку дѣйствовать, чтобы душа повернулась въ сторону распростертой руки.

Надо дать факту случиться, чтобы онъ сталъ излучать изъ себя свѣтъ новаго пониманія. И такъ какъ это новое пониманіе, открывая шлюзы свободно льющейся мощи, идетъ противъ насилья, принижающаго личность, противъ угнетенья, приклоняющаго ее къ землѣ, то ясно, что только революціонная борьба поможетъ родиться той новой личности, въ которой сразу заговорятъ голоса всѣхъ инстинктовъ, наклоностей, побужденій, этихъ вѣстниковъ прибывающихъ силъ. Если личность только ощутила, куда влечетъ ее волна новой жизни, то она еще не въ волнѣ. Надо, чтобы волна извнѣ, отъ дѣйствій, нахлынула на насъ все смывающимъ потокомъ. Если личность только предчувствуетъ, съ какой стороны приближается къ ней мощь и сила, то она долго можетъ еще пребывать въ позѣ ожиданія. И предчувствіе можетъ изложиться въ системѣ философіи, и покрыться ржавчиной и плѣсенью. Надо, чтобы личность бросилась своему предчувствію навстрѣчу. Только дѣйствіе истолкуетъ все ея существо въ духѣ ея предчувствія. Личность истолковывается своимъ дѣйствіемъ.

* * *

Изъ всѣхъ вышеразобранныхъ элементовъ изъ философскихъ, соціальныхъ и моральныхъ воззрѣній съ одной стороны и дѣйствій съ другой — личность творитъ себѣ идеалы. Всѣ элементы въ возрастающей прогрессіи принимаютъ участіе въ его образованіи. Наиболѣе слабо идеалъ отражаетъ ея общее міросозерцаніе, наиболѣе выпукло ея систему дѣйствій.

Такимъ образомъ, идеалъ каймой своей обозначаетъ общую позицію личности въ борьбѣ ея за мощь, своимъ фономъ оттѣняетъ отношеніе ея внутреннихъ силъ къ окружающей ее человѣческой средѣ, въ центрѣ же своемъ формулируетъ ея очередныя задачи, чертитъ ея формулу перехода къ ея „порядку дня".

Идеалъ рождается въ моменты концентрированныхъ дѣйствій, усиленной, горячей борьбы и экзальтированныхъ настроеній — въ моменты великихъ столкновеній. И потому онъ всегда нераздѣлимъ со своей сестрой — революціей, съ которой у него общая колыбель.

Идеалъ это революція, переведенная въ сознаніе, а питаетъ его все то, что питаетъ революцію. Онъ проснув-

шійся голосъ ея силъ, до сихъ поръ стѣсненныхъ, заглушенныхъ и не находившихъ себѣ выхода. И то, что личность пережила въ экстазѣ наивысшаго своего подъема, все загадочное и чарующее, что доносится до нея отъ волшебныхъ береговъ вѣчнаго океана мощи, всю музыку нарастающихъ волею ея переливающихся силъ — все это выражаетъ она въ своемъ идеалѣ. Въ него она вкладываетъ предчувствіе великаго обновленія своей души, ощущеніе таинственнаго процесса ея направленія. Обычная же форма его проявленія, общественный строй, который она себѣ рисуетъ въ будущемъ, это только оправа для ея идеала. Онъ долженъ отвѣтить на вопросъ, въ какихъ условіяхъ личность встрѣчала бы наименьше количество препятствій и наибольшее количество толчковъ къ творческому пробужденію всѣхъ силъ. Онъ дѣлаетъ идеалъ болѣе осязательнымъ, выражая его во внѣшнемъ, общедоступномъ символѣ.

Общественный строй, который личность вписываетъ въ будущее, есть только тѣнь, отбрасываемая настроеніемъ, которымъ она преисполнилась въ борьбѣ. И такой именно вписанной тѣнью является анархическій коммунизмъ, теперешній идеалъ пробужденной, революціонно дѣйствующей личности. Осуществись онъ, онъ далъ бы наибольшій просторъ могучему размаху ея силъ, онъ сталъ ея формой, въ которой она наискорѣйшимъ образомъ отлилась бы въ свой идеалъ всемощной творческой личности.

Собственно говоря, это даже не строй. Нѣтъ въ немъ разъ на всегда данныхъ, твердо установленныхъ порядковъ. Это самый измѣнчивый, летучій, живой механизмъ. Это подвижная система неустойчиваго равновѣсія, въ которой вѣчно происходили бы колебанія, перераспредѣленія, перетасовки. Ибо въ формулѣ Анархическаго Коммунизма: „Все для всѣхъ" точно не опредѣлены не первое понятіе: „все", ни второе: „всѣ". Если подъ „все" отнести все общественное, то гдѣ же граница между общественнымъ и индивидуальнымъ? Если ко „всѣмъ" отнести даже всѣхъ непричастныхъ къ данному коммунальному хозяйству — населеніе всей области, страны, міра, то, очевидно, что наростанію претензій со стороны этого неопредѣленнаго количества „всѣхъ" противодѣйствовали бы всѣ тѣ, которые фактически заняты въ предѣлахъ даннаго коммунальнаго хозяйства. Ясно, что составъ какъ „всего", такъ и „всѣхъ" вѣчно мѣнялся бы. Не было бы ни границъ, ни разграниченій правъ и обязанностей. А все предоставлялось бы взаимнымъ соглашеніямъ и, скажемъ прямо, взаимнымъ столкновеніямъ.

Въ обществѣ всегда происходили бы перевороты и передвиженія, какъ бы подъ вліяніемъ перманентной, длительной революціи, которая избрала своимъ лозунгомъ — лозунгъ Соціальной Революціи: „Все для всѣхъ".

Но эта революція скорѣе была бы въ возможности, нежели въ дѣйствительности. Она была бы условіемъ, подъ которымъ регулировались бы взаимныя отношенія, какъ теперешній строй имѣетъ своимъ условіемъ насиліе, которое стало закономъ и находитъ свое постоянное выраженіе въ государствѣ. И тѣмъ не менѣе общество функціонируетъ въ силу внутренняго присобленія людей къ законамъ, къ которымъ вовсе не приходится такъ часто обращаться, чтобы они фактически заявили о себѣ, — и это въ обществѣ, гдѣ неравенства и привиллегіи образуютъ подкладку всѣмъ человѣческимъ отношеніямъ. Тѣмъ болѣе въ обществѣ, которое покоилось бы на правѣ всѣхъ на все — это внутреннее приспособленіе проявлялось бы. Перманентная революція скорѣе была бы угрозой, вѣчно витающей на горизонтѣ. Она скорѣе подразумѣвалась бы, нежели осуществлялась.

И это вѣчно бурливое, напряженное состояніе, безпрерывное ожиданіе революціи, которое отличало бы анархическій порядокъ вещей, сдѣлало бы то, что личность выростала бы безпрерывн, что охватъ ея сознанія и чувства — ея солидарность — все болѣе и болѣе раздвигалъ бы свои рамки. Личность шествовала бы гигантскими шагами; расцвѣтъ всѣхъ ея силъ не заставилъ бы себя ждать. И только эта могучая личность, которая подвигается намъ навстрѣчу, разрисовала намъ будущее картиной анархическаго коммунизма.

Ибо анархическій коммунизмъ есть только изліяніе изъ богатой мощью души. Ибо ея творческій эгоизмъ не то, что букашечный эгоизмъ, который свилъ себѣ гнѣздо въ мелкихъ душенкахъ. Бѣдныя созданія! Они голодны и жадны, и хотѣли бы проглотить весь міръ. Брать они не смѣютъ, — крадутъ они, когда никто не видитъ. Воровскимъ, ревнивымъ взглядомъ пристально всматриваются они въ каждую дышащую богатствомъ душу, и въ ихъ маленькихъ сердечкахъ зарождается только зависть. Болѣзнь и вырожденье шепчутъ въ глубокомъ безсиліи своемъ: „Все для меня"! Дрожащими руками цѣпляются они за каждую частичку доставшагося имъ добра: тщательно и щепетильно взвѣшиваютъ они свои заслуги к требуютъ, чтобы имъ точно отмѣрили слѣдуемое имъ вознагражденіе. Какъ они боятся израсходовать себя! Какъ опасаются, чтобы они не остались ни съ чѣмъ! Несчастные нищіе, духовные калѣки!

Но здоровъ и святъ эгоизмъ личности, вскормленной и взрощенной революціей, преисполненной жизнью, овладѣвшей ея изобиліемъ. Какъ она жаждетъ своего распространенія, разлива въ другихъ! Она стремится объединить кругомъ себя массу живыхъ людей, чтобы слиться съ ними въ одномъ творческомъ интересѣ. — она хочетъ отразить въ себѣ сознаніе всѣхъ. Она беретъ съ тѣмъ, чтобы отдавать съ излишкомъ. Она собираетъ сокровища, купаетъ ихъ въ роднике своей любви, и возвращаетъ ихъ какъ перлы, несущіе благословеніе. Изъ нея жизнь бьетъ ключемъ, и она чувствуетъ непреодолимую потребность и другихъ обогащать жизнью. Она должна растрачивать себя, чтобы опустѣть — и опустѣть съ тѣмъ, чтобы вновь переполниться жизнью, чтобы стать еще болѣе могучимъ орудіемъ еще болѣе новаго творенія. Всякая сила можетъ стать неисчерпаемымъ кладеземъ новой силы, когда ее употребляютъ на то, чтобы другихъ заразить силой. Даря, она обогащается. Хочешь стать творцомъ, прояви себя творческимъ дѣяніемъ, — покажи плоды своей животворящей стихіи.

Вотъ такова она творческая солидарность творческой личности. Она не вымученная жалость растрепанной душонки, которой оба отравляются — и даватель и получатель, — а радость, рожденная силой, которая, расходуя себя, открываетъ еще болѣе глубокій источникъ радости и силы.

Такой личности вовсе въ голову не придетъ оградить себя отъ другихъ, заручиться гарантіей, которая точно опредѣлила бы принадлежащую ей долю, — это было бы для нея униженіемъ, вѣрнѣйшимъ признакомъ того, что ея силы стали убывать. И только въ присутствіи такихъ личностей стали бы забываться рамки и границы между отдѣльными членами союзовъ, — они становились бы товариществами. Никто ни къ кому не подступалъ бы съ вопросомъ: внесъ ли ты свою долю труда? И только тогда не пришлось бы регламентировать права и обязанности каждаго. Сбылась бы Коммуна. И тотъ же процессъ повторился бы въ болѣе широкомъ масштабѣ во взаимныхъ отношеніяхъ между коммунами.

Коммунизмъ истекаетъ изъ мощной личности; насыщенность коммунизмомъ зависитъ отъ степени ея внутренняго насыщенія. И на такихъ личностей будетъ обильный урожай въ атмосферѣ перманентной революціи, которая будетъ такъ характерна для анархическаго строя. Коммунизмъ только и питается тѣмъ изобиліемъ, которое сочится изъ перманентной революціи.

* * *

И то же предвидѣніе грядущей мощной личности выявляетъ еще другой элементъ анархо-коммунистическаго идеала — постепенное сведеніе къ минимуму насилія, практикуемаго во взаимныхъ отношеніяхъ между людьми. Этотъ идеалъ думали опорочить тѣмъ, что онъ, будто бы, въ лицѣ общественнаго строя, который его облечетъ, возстановитъ человѣка противъ человѣка, ввергнетъ людей въ саосъ междуусобицы и взаимнаго враждованія. Тѣмъ болѣе обрадуются его хулители, когда изъ за анархическаго строя выглянетъ привидѣніе въ видѣ „перманентной революціи." Но посмотримъ!

Человѣкъ превратится въ мелочное, злокозненное существо, когда его покинетъ узда закона? Онъ станетъ драться направо и налѣво, если надъ нимъ не будетъ бодрствовать око государственнаго прокурора? Успокойтесь! Только раздраженный звѣрь въ дикой ярости бросается на слабаго звѣренка, который коснулся его лапкой, и разрываетъ его. Человѣкъ ужъ „справедливъ", онъ создалъ себѣ формулу возмездія: „око за око!" Человѣкъ же съ мощной силою внутренней жизнью даже глазомъ не моргнетъ, когда маленькій человѣчекъ изъ всѣхъ силъ будетъ стараться его оскорбить. Какъ только онъ попробуетъ состязаться съ нимъ въ причиненіи маленькихъ колючихъ обидъ, онъ сравнится съ нимъ въ ничтожествѣ!

Въ чемъ же разница? Звѣрь въ преувеличенномъ страхѣ за свою шкуру не въ состояніи соизмѣрять энергію защиты съ размѣромъ опасноати' Его чувство самосохраненія расходится во всю при малѣйшемъ раздраженіи. Человѣкъ возмездія, крошечное существо съ трусливой душонкой, ни на одинъ моментъ не хочетъ оставаться безъ могучаго защитника, онъ нуждается въ покровительствѣ святого авторитета закона. Законъ, который вознаграждаетъ всѣхъ по заслугемъ, есть условіе существованія. Онъ долженъ прикрыться идеальной справедливостью, чтобы быть увѣреннымъ, что въ будущемъ съ нимъ не приключится никакой бѣды. Его чувство самосохраненія всего боится, всего опасается и ищетъ протекціи.

Мужество же свободной могучей личности не такъ легко поколебать. Она не даетъ себя такъ скоро вывести изъ равновѣсія. Она убѣждена, что въ серьезномъ спорѣ постоитъ за себя и не смѣшитъ отвѣтить на маленькую обиду маленькой же обидой, она вообще не нуждается ни въ возмездіи, ни въ наградѣ. Зачѣмъ ей эта справедливость, покрывающая счетъ заднимъ числомъ? Зачѣмъ ей это надо, чтобы козни, которыя кто то когда то противъ нея злоумышлялъ, непремѣнно были бы караемы? Она признаетъ одну только опасность — опасность быть настигнутой врасплохъ сильнымъ врагомъ, и она копитъ силы, чтобы оказать ему достойную встрѣчу.

Она даже почерпаетъ радость въ прощеніи врагу даннаго момента, — это послужитъ ей убѣдительнымъ доказательствомъ, что она достаточно одарена и внутренне крѣпко спаяна. Она даже рискнетъ осчастливить своихъ враговъ, чтобы окончательно ихъ преодолѣть. Откажется ли она вообще называть кого бы то ни было своимъ врагомъ? Да, но какъ общее правило не раньше, нежели врагъ въ самомъ дѣлѣ сталъ для нея безвреденъ. Возможно, что оно предпріиметъ этотъ опасный опытъ еще раньше, чѣмъ она достигнетъ надлежащей степени силы, пользуясь имъ какъ средствомъ самовоспитанія и накопленія силъ. Возможно, что въ цѣляхъ скорѣйшаго вростанія въ свой идеалъ всемощной творческой личности, она откажется вообще отъ всякой борьбы насиліемъ, — тогда она будетъ отрицать не только власть и нормированное насиліе — законъ, но и насиліе вообще.

* *

Такимъ образомъ психологія личности, ощутившей ростъ своихъ силъ, предрасполагаетъ къ построенію идеаловъ коммунизма, анархизма и непротивленія злу насиліемъ. Стремясь ко все большей мощи, развиваясь въ направленіи полной самостоятельности автономнаго міра, она въ построеніи своихъ идеаловъ не только вправѣ, но и обязана принимать въ соображеніе только свою инстинктивную волю въ мощи. Она тогда направляетъ свою сознательную волю въ стихійный потокъ своей все растущей силы. Она тогда приводитъ свою борьбу въ согласіе съ основной тенденціей своего развитія.

Настанетъ время, когда эта тяга за силой изъ несовершеннаго инстинкта превратится въ сознательный мотивъ всѣхъ дѣйствій личности. Все, что жизнь преподнесетъ ей какъ „цѣнность", она поставитъ на пробу нтересовъ своихъ силъ. Мысль ли зародится въ мозгу, чувство ли опьянитъ ея сердце, запросить ли воля исхода въ дѣйствіи — всѣ должны будутъ оправдаться приростомъ ея силъ. Другого основанія не будетъ, почему что либо принято или отвергнуто, какъ только предвидѣніе того, какъ оно отзовется на уровнѣ ея силъ. Уровень ея силъ станетъ единственнымъ критеріемъ ея поведенія.

Настанетъ время мы сказали. Но пока еще совсѣмъ не такъ. Намъ еще далеко до „грядущей творческой личности." И своей попыткой стать на точку зрѣнія личности мы только заплатили дань субъективной методѣ. Черезъ извѣстное отвлеченіе отъ дѣйствительности намъ удалось выяснить нѣкоторыя ея тенденціи. А въ остальномъ будемъ послушными объективной методѣ. Будемъ заниматься статистикой, подводить итоги, наблюдать факты, тщательно провѣрять ихъ и трезво понимать ихъ. Что же дѣлать? Несомнѣнно далеко намъ еще до „грядущей творческой личности".

Б. Сп—а.

Дѣйствія карательной экспедиціи въ районѣ Тукума—Тальсена.

Послѣ великихъ дней возстанія, — въ Тукумѣ воцарилась жестокая реакція. Честное слово ген. Хорущенко, которому такъ вѣрилъ народъ вмѣстѣ со своими руководителями соціальдемократами, — оказалось подлымъ обманомъ. Правда онъ уѣхалъ изъ Тукума, но черезъ нѣсколько дней онъ уже былъ въ Тальсенѣ *). Подъ дружнымъ напоромъ возставшихъ крестьянъ мѣстный отрядъ драгунъ, состоящій изъ 40 нижнихъ чиновъ и нѣсколькихъ офицеровъ, потерпѣлъ полное пораженіе. Предательство извѣстнаго черносотенца доктора Блаза съ одной стороны и неопытность командующихъ съ другой, были причинами того, что имъ удалось тайкомъ удрать изъ Тальсена и расположится въ какомъ то сараѣ по среди поля.

Когда прибыла „армія" ген. Хорущенко, Тальсенъ уже находился въ рукахъ возставшихъ. Цейхгаусъ мѣстнаго гарнизона, послѣ отчаянной перестрѣлки былъ взятъ революціонерами и все хранившееся въ немъ оружіе перешло въ ихъ распоряженіе. Генералу это было извѣстно и онъ не рѣшался войти въ городъ, а расположился въ полѣ на окраинѣ города. Вечеромъ ему удалось поймать какую то женщину, которой было поручено передать письмо возставшимъ, съ требованіемъ немедленной сдачи съ выдачей оружія и зачинщиковъ безпорядка; въ противномъ случаѣ угражалось сместь съ лица земли Тальсенъ со всѣми его обывателями.

Со стороны возставшихъ послѣдовалъ отказъ... Грянули подрядъ нѣсколько пушечныхъ выстрѣловъ, но всѣ они были столь неудачны, что стрѣлявшіе впослѣдствіи сами въ нихъ раскаялись. Генералъ, какъ видно, желалъ попасть въ домъ латышскаго общества (гостинница А. Дункеля), находящійся рядомъ съ лютеранской церковью, но два ядра попали какъ разъ въ церковь, а одно въ почтовую контору, разрушивъ цѣлую стѣну. Церковь во время бомбордировки была переполнена напуганной буржуазіей, искавшей спасеніе въ божьемъ храмѣ отъ случайныхъ осколковъ Хорущенковой картечи. Трудно представить, что она испытывала въ тотъ моментъ, когда надъ ея головами раздавались громовые удары ея же защитника!

*) Уѣздный городокъ, находящійся на нѣсколько десятковъ верстъ отъ Тукума.

Однако грохотъ пушекъ оказалъ извѣстное вліяніе на настроеніе возставшихъ крестьянъ. Воодушевлять ихъ было некому перепуганные вожаки просили „мира да мира“. Было рѣшено выставить со стороны возставшихъ условія перемирія. Хорущенко на все согласился и перемиріе было заключено. Войска обѣщали оставить городъ, возставшие со своей стороны обязались выдать все казенное оружіе, отнятое у убитыхъ драгунъ и при расхищеніи цейхгауса*).

4 декабря Хорущенко оставилъ вмѣстѣ со своими и другими войсками городъ. Остался лишь мѣстный гарнизонъ, состоявшій всего навсего изъ 10-15 солдатъ и нѣсколькихъ офицеровъ съ военачальникомъ во главѣ. Какъ солдаты, такъ и высшіе чины во время возстанія и послѣ,—во время кровавой оргіи Зиверса—Гейкинга—никакого участія въ усмиреніи не принимали. Даже при взятіи цейхгауса съ ихъ стороны не было оказано сопротивленія. Перестрѣлка происходила лишь между драгунами, присланными незадолго до возстанія.

Войска уѣхали на станцію „Стенденъ“, находящейся на двѣнадцати верстномъ разстояніи отъ Тальсена. Крестьяне, будучи увѣрены, что войска уѣдутъ т. к. офицера прислали ключи отъ своихъ квартиръ и просили отправить ихъ имущество на станцію — разошлись. Кто отправился домой въ деревню, а кто безпечно праздновалъ побѣду по чайнымъ и ресторанамъ. Казалось что опасность уже миновала какъ вдругъ получились ужасныя извѣстія о томъ, что войска на станціи уже начали кровавыя оргіи. Прибывшій туда пасажирскій поѣздъ былъ остановленъ и тщательно обысканъ. У одного молодого человѣка, по виду еврея, былъ найденъ револьверъ и небольшой пакетъ съ нелегальными листками. Какой то баронъ подошелъ къ нему и изъ найденнаго у него „Бульдога“ впустилъ ему пулю въ лобъ. Обливаясь кровью онъ упалъ, но всетаки былъ живъ. Озвѣрѣвшій баронъ положилъ на его голову пакетъ съ литературой, обрызгалъ керосиномъ и зажегъ. Несчастный юноша продолжалъ мучится до тѣхъ поръ, пока одинъ драгунъ, можетъ быть изъ сострадания, не разрубилъ своей шашкой ему черепъ.

Кромѣ замученнаго юноши жертвою алчныхъ и кровожадныхъ юнкеровъ сдѣлались нѣсколько станціонныхъ служащихъ и крестьянъ, пришедшихъ изъ Тальсена.

Въ тотъ же вечеръ въ Тальсенъ прибылъ новый усиленный отрядъ драгунъ во главѣ съ баронами фонъ Сиверсъ, — Гейкингъ и др. Самъ Хорущенко уѣхалъ—если не ошибаюсь въ Виндаву. Улицы Тальсена мгновенно покрылись тѣлами убитыхъ крестьянъ. Рядомъ съ революціонерами лежали и случайно убитые негодяи вродѣ учителя городского училища Казина, прославившагося въ дѣтельности шпіона среди и учениковъ и т. д. Драгуны убивали каждаго кто только попадалъ подъ руку, неразбираясь „свой“ ли онъ или нѣтъ.

Нѣтъ никакой возможности опредѣлить хотя бы приблизительное количество убитыхъ. Солдаты бросили убитыхъ раненныхъ въ пылавшія дома, гдѣ они и сгорали. Есть дома обыватели которыхъ до единаго, включая грудныхъ дѣтей и стариковъ, погибли. Очевидцы раасказываютъ, что драгуны окружали дома, поджегли ихъ и, безпрерывно стрѣляя въ окна и двери, не давали выйти ни одному обивателю.

Ужасъ и смятеніе охватили жителей. Тотъ кто имѣлъ хоть малѣйшую возможность оставлялъ городъ и прятался въ лѣса. Черезъ два дня отъ красиваго городка осталась лишь груда развалинъ. И на нихъ обезумѣвшія отъ горя послѣ потери сына, отца и матери, ломая руки рыдали оставшіяся въ живыхъ обыватели. Вмѣсто труповъ погибшихъ они извлекали изъ подъ развалинъ какіе то неузнаваемыя части человѣческаго тѣла. Только по одеждѣ нѣкоторые узнавали, что это останки ихъ родныхъ.

Отъ города, не считая предмѣстья «Русскій Рогъ», уцѣлѣла лишь Лайдзенская улица, нѣсколько домовъ принадлежащие самымъ крупнымъ мѣстнымъ буржуа и церковь — дьявольская опора современнаго капиталистическаго режима. И казалось что съ высоты своей неприступности она издѣвалась надъ разрушеннымъ городомъ, — безпрерывно повторяя: „Побѣда на нашей сторонѣ!“

Но мѣстнымъ баронамъ было недостаточно этой бойни не поддающейся описанію. По указаніямъ шпіоновъ они арестовывали людей и... разстрѣливали. По дорогѣ въ Стенденъ на второй верстѣ отъ Тальсена, въ полѣ стоитъ одинокая старая сосна. На высотѣ человѣческаго роста она пронизана безчисленнымъ количествомъ солдатскихъ пуль. Только эта сосна знаетъ сколько искреннихъ борцовъ обливаясь кровью падали у ея подножья. Она одна была свидѣтельницей звѣрскихъ издѣвательствъ палачей надъ своими жертвами. Она одна слышала предсмертные стоны и призывы къ мести и проклятья умирающихъ, посылаемыя палачамъ... Каждый годъ 1 мая надъ этимъ природнымъ памятникомъ развиваются красныя и черныя знамена, на которымъ часто виднѣется надпись: „Слава павшимъ, проклятіе и месть палачамъ!“ Не это ли предвѣстникъ приближающейся народной расправы?

*) Въ цейхгаусѣ было взято около 200 солдатскихъ винтовокъ.

II.

Послѣ усмиренія Тальсена и окружающихъ его селеній, взоры карателей снова стали сконцентрироваться около Тукума. Хотя фонъ денъ Рекке и Раденъ послѣ заключенія перемирія не прекращали свои набѣги на крестьянскія селенія, однако этого баронамъ казалось мало. Они стали требовать у правительства войскъ, рисуя малоосвѣдомленному русскому правительству положеніе дѣлъ въ самихъ не вѣроятныхъ краскахъ. По показаніямъ шпіоновъ составлялись списки зачинщиковъ возстанія. Переодѣтые офицерами бароны вмѣстѣ съ озвѣревшими казаками и драгунами, объѣзжали деревни, разстрѣливая и вѣшая часто ни въ чемъ не повинныхъ крестьянъ.

Что же дѣлали вожаки народа соціальдемократы?

На роковую ошибку совершенную наканунѣ или въ первые дни возстанія мы уже разъ указывали. Вмѣсто того чтобы помочь крестьянамъ расправиться съ ихъ врагами баронами или „гіенами съ голубой кровью“, какъ народъ ихъ любилъ называть, они всячески старались укрывать и избавлять ихъ отъ народнаго гнѣва, ссылаясь на какую то „статью“ христіанской догмы, по которой грѣхъ обижать безсильныхъ. Тактика соціальдемократовъ по отношенію къ баронамъ нисколько неизмѣнилась и послѣ того, когда у е ясно было видно, что безсиліе бароновъ временное, что въ другихъ мѣстахъ ихъ собраться тоже бывшіе безсильными и отпущенныя съ благороднымъ пожеланіемъ счастливаго пути, вернулись и праздновали свои кровавыя оргіи. Вмѣсто того, чтобы призывать крестьянъ съ новой энергіей къ расправѣ надъ баронами и ихъ сторонниками, они продѣлывали новую уже явно сознательную ошибку. Послѣ заключенія перемирія, соціальдемократы, призывали свою крестьянскую армію оставить оружіе въ домѣ латышскаго общества. Часть изъ крестьянъ послушались заранѣе обдуманному „доброму совѣту“ своихъ испуганныхъ вожаковъ и отдали на храненіе свое оружіе. Другіе же, понимая нелѣпость такого распоряженія, настаивали на немедленномъ возвращеніи каждому его оружія, указывая, что каждую минуту можно ожидать новыя выступленія фонъ деръ Рекке и К-о Конечно, эти доводы крестьянъ не съумѣли оказать ни малѣйшаго вліянія на умы тукумскихъ представителей „научнаго соціализма“,—они остались при своемъ мнѣніи, угрожая даже опубликовать провокаторами тѣхъ, которые не пожелаютъ повиноваться ихъ рѣшеніямъ.

„Всетаки рыцарская расправа нѣмецко бальтійскихъ феодаловъ для крестьянъ была гораздо опаснѣе этого грознаго рычанія „маленькихъ Юпитеровъ“. Нѣсколько крестьянъ насильно ворвались въ соціальдемократическій цейхгаузъ и увезли съ собой въ деревню порядочное количество оружія. Правительство (бароны во главѣ съ новымъ уѣзднымъ начальникомъ; Раденъ въ это время былъ переведенъ на должность уѣзднаго начальника въ Митаву) видя, что распоряженія соціальдемократовъ идутъ въ ихъ пользу, поторопилось выпустить „обязательное постановленіе“ въ формѣ совѣта, по которому все хранившееся въ домѣ латышскаго общества оружіе должно было быть передано городскому управленію. Ибо въ противномъ случаѣ войска, опасаясь нападенія со стороны вооруженныхъ крестьянъ, снова могутъ открыть военныя дѣйствія. Только лишь немногіе изъ дальновидныхъ соціальдемократовъ призывали крестьяенъ не отдавать свое оружіе, а хранить егоу себя. Изъ такихъ я упомяну здѣсь пріѣхавшаго послѣ возстанія соціальдемократическаго боевика Грюнина или „Бурлака І“. Въ своихъ искреннихъ рѣчахъ на крестьянскихъ собраніяхъ онъ указывалъ на то, что рано или поздно Тукумъ постигнетъ такая же участь, какъ и многія другія мѣста Прибалтійскаго края. Что отдавать оружіе поэтому не надо, что этимъ не только нельзя отвратить кровавую расправу карателей, но на противъ, во много разъ ее усилить. „Нежалѣйте враговъ своихъ, убивайте ихъ гдѣ только можете и какъ можете. Имѣйте ввиду, что вамъ пощады отъ нихъ не будетъ!“ Своихъ товарищей по партіи

переходившихъ отъ ошибки къ ошибкѣ, онъ не одинъ разъ упрекалъ ихъ въ молодушіи и нерѣшительности. Онъ указывалъ имъ на то, что это можетъ повести къ гибели всего начатого дѣла.

Въ искреннихъ словахъ этого молодого честнаго бойца, погибшаго нѣсколько лѣтъ тому назадъ*), заключилась глубокая правда. Именно въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ по требованію правительства было выдано все оружіе, жестокость карателей не имѣла предѣловъ.

Шпіонство и предательство особенно тамъ процвѣтали гдѣ народъ былъ безъ оружія. И это вполнѣ понятно.

Положеніе деревень и маленькихъ городовъ таково, что доносчикъ никогда не можетъ остаться не открытымъ. Близкое сосѣдство и живое общеніе деревенской массы способствовало выплыванію на поверхность каждаго мало мальски мерзскаго поступка отдѣльнаго члена деревенькаго общества. А если доносчикъ открытъ и есть вооруженная сила въ деревнѣ или въ городкѣ, то онъ никогда не можетъ быть увѣренъ что его не убьютъ. Характернымъ примѣромъ здѣсь можетъ служить Тальсенъ, гдѣ по настоянію соціальдемократическаго комитета все оружіе, начиная съ казеннаго и кончая частнымъ, — было передано городскому управленію. Этотъ роковой поступокъ родилъ столько доносчиковъ, что каратели не считали нужнымъ составлять „списокъ зачинщиковъ безпорядка", а били, такъ сказать, безъ разбора—даже самихъ доносчиковъ. Весь городокъ, какъ извѣстно, былъ преданъ огню и мечу и едва ли найдейтся другое мѣсто, которое могло бы въ этомъ отношеніи сравниться съ Тальсеномъ.

Жестокость карателей никогда не находилась въ зависимости отъ размаха возстанія въ томъ или иномъ мѣстѣ. Даже на оборотъ, въ мѣстахъ гдѣ народъ болѣе или менѣе освободился отъ попечительства политикановъ и убивалъ своихъ вампировъ и ихъ сторонниковъ, — кровавый праздникъ прошелъ очень поверхностно. И если бы народъ во всѣхъ мѣстахъ освободился отъ попечительства своихъ буржуазныхъ благодѣтелей и по заслугамъ расправился бы съ своими палачами которые впродлженіи цѣлыхъ семи столѣтій держатъ его въ рабствѣ и ужасномъ, безчеловѣчномъ угнетеніи, высасывая изъ него всѣ жизненные соки то съ полной увѣренности можно сказать, что реакція если бы она иослѣдовала ни въ коемъ случаѣ не приняла бы такихъ жестокихъ размѣровъ, какіе она имѣла въ концѣ 1905 и вначалѣ 1906 годовъ. Всѣ жестокости творились баронами и офицерами, вышедшими изъ той же дикой орды нѣмецко бальтійскихъ бароновъ. Въ мѣстахъ гдѣ начальство надъ карательными отрядами было вручено офицерамъ русскаго происхожденія и гдѣ бароны не успѣли ихъ еще подкупить, усмиреніе никогда не носило такой характеръ: можно было бы привести цѣлый рядъ фактовъ ярко характеризующихъ выше сказанное, но осталяю это до слѣдующаго раза. Помню какъ въ одномъ приморскомъ селеніи карательный отрядъ состоящій изъ матросовъ военнаго флота, не нашелъ ни одного, кого можно было поставить мишенью своихъ выстрѣловъ. Черезъ нѣсколько недѣль это самое селеніе настигъ другой отрядъ подъ предводительствомъ всевозможныхъ фоновъ. И чтоже? Три были убиты и тринадцать можетъ быть подверглись бы такой же участи, еслибы они неуспѣли заблаговременно скрыться.

Фактъ этотъ столь убѣдителенъ, что его нерѣшились отвергать латышескіе соціальдемократы, которые, особенно въ послѣднее время всѣ свои усилія приложили къ искаженію фактовъ, грозящихъ подорвать къ нимъ довѣріе народной массы. Теперь, когда какая нибудь революціонная партія заговоритъ о предательскихъ выходкахъ соціальдемократовъ, они до тошноты повторяютъ свою глупую фразу: „Своимъ великодушіемъ къ врагамъ мы показали примѣръ гуманности всему цивилизованному міру.

* * *

*) Бурлакъ I (Грюнинъ) былъ разстрѣлянъ въ Ригѣ 1907 г. Обвинялся онъ въ подготовкѣ покушенія на высшихъ правительственныхъ лицъ Прибальтійскаго края (Меллера Закомельскаго, Сологуба и др.) Во время своего заключенія онъ подвергся неслыханнымъ пыткамъ, но несмотря на все это не обмолвился ни единнымъ словомъ своимъ палачамъ. На мѣсто казни его вывезли полуживымъ ребра и бедра были сломаны, почти вскрыты, волосы и борода вырваны. О его мужественномъ поведеніи лучше всего свидѣтельствуютъ слова оберъ-палача: «не встрѣчалъ такого. Своимъ молчаніемъ онъ можетъ вывести изъ терпѣнія!»

Приблизительно черезъ двѣ недѣли послѣ заключенія перемирія въ Тукумъ явился карательный отрядъ подъ начальствомъ барона Шнапеніека. Уѣздный начальникъ баронъ Раденъ къ этому времени былъ переведенъ на такую же должность въ Митаву и его мѣсто занялъ новый палачъ баронъ Граутусъ. Скоро и другой герой ф.-деръ-Рекке скрылся со сцены. Правда или нѣтъ, но съ быстротой молніи Тукумъ и его уѣздъ облетѣли слухи, что будто бы въ имѣніи Дурбе на смертной кровати лежитъ герой Тукумскаго усмиренія, баронъ фонъ-деръ-Рекке. Вскорѣ послѣ этого дѣйствительно изъ имѣнія Дурбе на кладбище двинулась похоронная процессія и кого-то хоронили. Дѣйствительно ли это былъ Рекке или кто другой, намъ неизвѣстно. Въ народѣ до сихъ поръ ходятъ слухи, что дѣйствительный Рекке еще живъ и находится за границей, но изъ боязни быть отмщеннымъ онъ прибѣгъ къ такого рода хитрости. Вполнѣ возможно, что слухи эти имѣютъ фактическое основаніе, такъ какъ къ такому способу прибѣгалъ не одинъ баронъ, который хотѣлъ избавить себя отъ мести лѣсныхъ братьевъ. Подтверждаетъ этотъ фактъ еще тотъ слухъ, что будто бы за два дня до его мнимой смерти, Рекке видѣли во главѣ карательнаго отряда совсѣмъ здоровымъ и невредимымъ.

Какъ ни какъ, но баронъ Шнапеніекъ дѣйствительно могъ себя считать достойнымъ замѣстителемъ барона Рекке. Съ огромнымъ спискомъ „зачинщиковъ" въ одной рукѣ и дымящимся револьверомъ — въ другой, онъ въ сопровожденіи огромной своры стражниковъ и казаковъ объѣзжалъ крестьянскія селенія, разстрѣливая и вѣшая обозначенныхъ въ спискѣ крестьянъ. Гдѣ только побывалъ этотъ палачъ, позади него оставались горѣвшія крестьянскія усадьбы, разстрѣлянные и повѣшенные на деревьяхъ и телеграфныхъ столбахъ крестьяне.

Въ ужасѣ и страхѣ многіе крестьяне вывѣшивали на крышахъ своихъ усадьбъ бѣлыя флаги, въ знакъ того, что они сдаются. Но грозные военачальники на это не обращали ни какого вниманія, а иногда даже принимали противъ такихъ дворовъ особые мѣры. «Разъ сдаются, значитъ виноваты» — говорилъ полководецъ Шнапеніекъ и приказывалъ всѣхъ крестьянъ, включая и женщинъ, высѣчь. Многіе изъ подвергнутыхъ тѣлесному наказанію послѣ долгихъ и адскихъ мученій или умирали или сходили съума. Обыкновенно Шнапеніекъ приказывалъ давать по 100—200 ударовъ, но нижніе чины, нисколько не отличавшіеся своею жестокостью отъ своего начальника, пополняли количество ударовъ новой сотней, а то и больше.

Дѣйствія карательнаго отряда Шнапеніека напоминаютъ собою времена средневѣковыхъ крестовыхъ войнъ, грабленіе побѣдителями городовъ и селеній. Власть карателей, начиная съ Шнапеніека и кончая послѣднимъ нижнимъ чиномъ, была неограничена. Жизнь крестьянина не имѣла для нихъ никакой цѣны и зависѣла лишь отъ настроенія Шнапеніека и его помѣщиковъ. Захотѣлось какому-нибудь зауральскому „степному сыну" испробовать руку, выбралъ себѣ для мишени крестьянина и застрѣлилъ. Надоѣло ему такая шутка, — сѣлъ на своего ретиваго рысака и поѣхалъ дальше.

Въ этомъ отношеніи никакихъ преградъ Шнапеніекъ своимъ башибузукамъ не ставилъ. Что имъ хотѣлось, то они и могли дѣлать. Первымъ дѣломъ, когда врывались въ крестьянскую усадьбу, было — перерыть всѣ карманы, шкатулки, шкафы и вообще такія мѣста, гдѣ предвидѣлась возможность отыскать диньги или цѣнныя вещи. Въ случаѣ, если самимъ неудалось ничего отыскать, они прибѣгали къ болѣе радикальнымъ средствамъ; „давай полтинникъ, оставлю тебя живымъ, а если нѣтъ, то такъ застрѣлю!" Нашелся у несчастнаго полтина — хорошо, откупился и остался живъ, а если не было и требователь попадался очень настойчивый, такъ волей неволей приходилось разставаться съ жизнью.

Въ то же самое время, какъ Шнапеніекъ праздновалъ свои кровавыя оргіи въ деревнѣ, другая банда предалась такой же работѣ въ Тукумѣ. Домъ латышскаго общества былъ объявленъ казенной собственностью и превращенъ въ казарму драгунъ, въ какомъ положеніи онъ находился до снятія военнаго положенія съ Прибалтійскаго края, т. е. до 15 сентября 1908 г. Былъ учрежденъ особый военный судъ, въ составъ котораго входили всѣ бароны, начиная съ уѣзднаго начальника Граутусъ и кончая послѣдней деревенской собачкой, носившей званіе барона.

Судъ, какъ уже самъ составъ показываетъ, былъ «скорый» и „правый". На разсмотрѣніе его вошли только такія дѣла, которыя по царскимъ законамъ не могли окончиться смерт-

ными приговорами. Здѣсь же законъ былъ ни причемъ. Его мѣсто исполняла „совѣсть" или, лучше сказать, интересы, выгоды нѣмецко-балтійскаго феодала. А потому судьба попавшаго въ когти этихъ судей была заранѣе извѣстна: смерть черезъ повѣшеніе, которая за неимѣніемъ приспособленій замѣнялась разстрѣломъ.

Тѣ же, у которыхъ оказались на лицо данныя для законнаго убійства, держались въ тюрьмѣ до тѣхъ поръ, пока ихъ дѣло не было передано на разсмотрѣніе рижскаго военнаго суда. Въ декабрѣ 1906 г. 18 арестованныхъ были приговорены къ смерти и нѣсколько десятковъ къ разносрочной каторгѣ. Приговоръ былъ приведенъ въ исполненіе.

Шпіонство въ это время достигало своего кульминаціоннаго пункта. Боятся зимою имъ некого было, крамола была подавлена и они отдались всѣмъ тѣломъ и душою этой низкой дѣятельности. За очень умѣренную цѣну, а нѣкоторые изъ наиболѣе заинтересованныхъ — безъ всякаго вознагражденія давали карателямъ очень цѣнныя, по ихъ мнѣнію, показанія, на основаніи которыхъ и составляли „списки зачинщиковъ". Приведемъ здѣсь имена болѣе выдающихся дѣятелей нв поприщѣ шпіонства.

Янпетеръ — тотъ самый, которого ранили въ дни Тукумскаго возстанія. Въ послѣднее время занимался дресировкой полицейскихъ собакъ для ловли лѣсныхъ братьевъ.

Берръ — владѣлецъ мельницы. Во время возстанія оказывалъ активную поддержку войскамъ, тайкомъ вмѣстѣ со своими сыновьями стрѣлялъ въ возставшихъ. Выдавалъ также Шнапеніеку извѣстныхъ ему участниковъ возстанія.

Витковскій — во время возстанія былъ однимъ изъ самихъ отважныхъ шпикобоевъ. При наступленіи реакціи изъ боязни наказанія измѣнилъ свою позицію и сдѣлался предателемъ.

Зубовъ, Шультберъ, Церръ — на совѣсть которыхъ лежитъ клевета на отдѣльныхъ товарищей.

Изъ нижнихъ полицейскихъ собакъ своею жестокостью особенно выдѣлились городовые *Якобсонъ, Аузинъ и Вейбуль*. Послѣдній заслужилъ въ глазахъ мѣстныхъ представителей карающей власти особое довѣріе. На него смотрѣли, какъ на человѣка, крайне „энергичнаго", на котораго можно положиться.

Разъ этому Вейбулю удалось арестовать на улицѣ двухъ рабочихъ. Тауриня и Заляисъ, при обыскѣ у которыхъ было обнаружено ружье. На другое утро они были разстрѣляны. Вельбуль собственноручно привязалъ ихъ къ столбу, порядкомъ избилъ и потомъ приказалъ солдатамъ разстрѣлять. Грянулъ залпъ — и оба мученика опустили свои головы.

Незадолго до этого по указаніямъ шпиковъ, въ больницѣ былъ обнаруженъ раненый во время возстанія рабочій Бисеніекъ. Солдаты во главѣ съ Вейбулемъ и другими палачами-полицейскими потащили его на военный судъ, который приговорилъ его къ смерти. Послѣ объявленія приговора, несмотря на то, что онъ былъ тяжело боленъ, его бросили въ какую то тюремную яму. Тамъ онъ долженъ былъ ожидать исполненія приговора.

Палачи, по неизвѣстнымъ причинамъ, медлили привести въ исполненіе приговоръ и этимъ воспользовался отецъ осужденнаго, который готовился подать кассаціонную жалобу. О своемъ намѣреніи онъ хотѣлъ извѣстить сына и въ булкѣ послалъ ему записку. Булку, нъ несчастію, прежде, чѣмъ передать заключенному Бисеніеку, старшій надзиратель Лейманъ разрѣзалъ и обнаружилъ въ ней упомянутую записку. Какъ истинный слуга своего начальства, онъ извѣстилъ о своей находкѣ тюремную администрацію и та, конечно, карателей.

Каратели какъ видно боялись какъ бы кассаціонная жалоба отца Бисеніека не имѣла успѣха и новое разсмотрѣніе дѣла не дало поводъ оправдать осужденнаго или по крайней мѣрѣ смягчить приговоръ, они поторопились привести въ исполненіе приговоръ. На другой день послѣ обнаруженія записки окровавленный трупъ Биссеніека былъ найденъ на томъ же мѣстѣ, гдѣ Вейбулемъ были убиты Тауринъ и Заляйсъ.

Но какъ жестоки не были дѣйствія карательной экспедиціи и какъ не старались шпіоны изловить всѣхъ революціонеровъ, уничтожить крамолу, такъ сказать, въ самомъ корнѣ, этого имъ не удалось. Многіе революціонеры предпочитали вести скитальческую жизнь по лѣсамъ, прятаться въ сѣнныхъ скирдахъ и картофельныхъ ямахъ, но ни въ коемъ случаѣ не отдаваться въ руки палачамъ.

Изъ этихъ людей и въ Тукумскомъ уѣздѣ образовалась группа лѣсныхъ братьевъ, которые поставили себѣ цѣлью вести партизанскую войну противъ карательныхъ отрядовъ и мстить шпіонамъ за оказанныя услуги карателямъ при составленіи „списковъ зачинщиковъ".

Къ сожалѣнію, намъ мало что извѣстно, о дѣйствіяхъ лѣсныхъ братьевъ и потому ограничимся лишь перечисленіемъ болѣе выдающихся актовъ, совершенныхъ несомнѣнно ими.

Много шуму надѣлало убійство одного изъ виднѣйшихъ шпіоновъ Тукумскаго уѣзда Гренгенскаго волостнаго старшины Тіеснесисъ. Шнапеніекъ, за усердіе на поприщѣ предательства, называлъ его своей правой рукой и часто говорилъ: „Были бы у меня въ каждой волости по одному Тіеснесису, — всѣхъ бунтовщиковъ бы истребилъ". И само собой разумѣется, что на убійство такого виднаго „дѣятеля" Шнапеніекъ не могъ смотрѣть сквозь пальцы. Онъ прибѣгъ къ самимъ крайнимъ средствамъ для отыскиванія виновныхъ. Но какъ впослѣдствіи оказалось, розыски грознаго военоначальника не увѣнчались успѣхомъ.

Солдатамъ было приказано обыскивать лѣса съ цѣлью истребленія „двуногихъ волковъ", но благодаря сочувствію крестьянъ „двуногіе волки", „лѣсные братья" остались необнаруженными. Волей не волей каратели должны были прибѣгать къ болѣе подходящей для ихъ цѣли средствамъ и сдѣлать крестьянъ отвѣтственными за поступки лѣсныхъ братьевъ.

Но какъ ни старались власти, — отношеніе крестьянъ къ лѣснымъ братьямъ не измѣнилось. Даже выходки стражниковъ съ цѣлью провоцировать лѣсныхъ братьевъ, не давали никакихъ успѣховъ, хотя способъ самъ по себѣ не былъ дурнымъ. Дѣло вотъ въ чемъ.

Время отъ времени наблюдались случаи, когда неизвѣстными замаскированными личностями были ограблены совсѣмъ бѣдные крестьяне. Правительство и стражники приписывали всѣ эти нападенія лѣснымъ братьямъ, съ той цѣлью, чтобы привлечь на свою сторону крестьянъ и при ихъ содѣйствіи изловить лѣсныхъ братьевъ. Но крестьяне, прежде чѣмъ пойти на закинутую правительствомъ удочку, рѣшили сами провѣрить, дѣйствительно ли грабители лѣсные братья. И вотъ въ одну ночь три неизвѣстныхъ замаскировввныхъ грабителя являются къ одному крестьянину и требуютъ отъ него денегъ. Какъ только одинъ изъ грабителей просунулъ голову черезъ окно, крѣпкія крестьянскія руки схватили буяна за уши. Несмотря на то, что „лѣсной братъ" самымъ убѣдительнымъ образомъ просилъ своихъ товарищей помочь ему освободиться изъ рукъ „предателей народнаго дѣла", товарищи бросились бѣжать, оставляя схваченнаго на волю судьбы. Крестьяне сейчасъ узнали въ арестованномъ стражника Урга, но притворяясь, что не знаютъ его, стали, какъ слѣдуетъ, „обрабатывать". Бѣдняжка какъ ни молилъ прощенія, но крестьяне, ссылаясь на приказъ начальства бить поймманыхъ лѣсныхъ братьевъ до смерти, съ новой энергіей взялись за „общупыванія боковъ".

Черезъ два часа въ усадьбу крестьянина явились два стражника и требовали выдачу арестованнаго „лѣсного брата". Крестьяне наотрѣзъ отказались и обѣщались сами доставить на другое утро его въ полицейское управленіе. Стражники должны были успокоиться.

Начальство волей неволей должно было открыто сознаться, что арестованный „лѣсной братъ" есть никто другой, какъ ихъ слуга — стражникъ Урга. Но такъ какъ послѣдній дѣйствовалъ по приказу начальства, то наказывать его было неудобно и дали ему отставку.

Стражники всетаки не прекращали совершать набѣги на крестьянскіе дворы. Правда, послѣ этой неудавшейся „экспропріаціи" такихъ выступленій больше не было; да и зачѣмъ имъ нужно было совершать такія дѣла, которые сопровождались рискомъ своей шкуры и отставкой со стороны начальства, разъ у нихъ имѣлась возможность совершать законные грабежи подъ именемъ обыска? Обыскивая крестьянъ, они вынимали изъ кармановъ часы, кошельки и прочее, что имъ казалось нужнымъ и цѣннымъ. И все это творилось на законной почвѣ, такъ какъ часы требовались начальствомъ для провѣрки, не украдены ли они при разграбленіи баронскихъ имѣній осенью 1905 г.

На защиту крестьянъ здѣсь выступили лѣсные братья. Рззъ когда одна такая банда царскихъ грабителей ѣхала грабить крестьянъ, по дорогѣ на нихъ напали вооруженные лѣсные братья и открыли огонь. Одинъ изъ громилъ, Чабайсъ, былъ убитъ, а два его товарища тяжело ранены.

Много геройства проявили Тукумскіе лѣсные братья при защитѣ своего поруганнаго народа. На каждое выступленіе Шнапепіека и Ко. они отвѣчали убійствомъ стражниковъ,

шпіоновъ или другой какой-либо полицейской собаки. Крестьянамъ иногда приходилось страдать за выступленія лѣсныхъ братьевъ, но несмотря на все это они горячо любили своихъ смѣлыхъ и отважныхъ лѣсныхъ сыновъ и всячески старались улучшить ихъ незавидное положеніе. Даже соціальдемократы въ началѣ появленія первыхъ организацій лѣсныхъ братьевъ, апплодировали послѣднимъ, но съ теченіемъ времени ихъ позиція мало по малу измѣнялась и въ августѣ 1906 г. они уже открыто заявили, что соціалдемократы ничего общаго съ убійцами и грабителями имѣть не хотятъ. Немного позже ихъ отношеніе къ лѣснымъ братьямъ приняло чисто провокаціонный оттѣнокъ. Для характеристики сказаннаго приведу такой фактъ.

Недалеко отъ Тукума одинъ крестьянинъ, владѣтель усадьбы, вмѣстѣ со своей женой выдалъ Шнапенѣку двухъ своихъ рабочихъ, которые и были разстрѣляны. Черезъ нѣкоторое время въ усадьбу предателя явились лѣсные братья и убили крестьянина вмѣстѣ съ женой. По этому поводу соціалдемократами было выпущено воззваніе, въ которомъ приглашались „честные люди" разстрѣлять убійцъ упомянутаго крестьянина съ женой.

Характерно то, что воззваніе это было выпущено послѣ объединенія латышскихъ соціальдемократовъ съ русскими и бундовскими организаціями, т. е. послѣ того, когда латышскіе соціальдемократы категорически заявили, что они терроръ не признаютъ. Вышло такъ, что латышскіе соціальдемократы отрицаютъ терроръ въ борьбѣ съ самодержавіемъ, но признаютъ его и усердно рекомендуютъ въ борьбѣ съ лѣсными братьями.

* * *

Этимъ я заканчиваю свои воспоминанія про дѣйствія карательной экспедиціи въ районѣ Тукума-Тальсена. Безусловно главнымъ образомъ вина за такой печальный исходъ возстанія въ Тукумѣ, но и не только въ Тукумѣ, но и во всемъ Прибалтійскомъ краѣ лежитъ на руководителей возстанія — соціалдемократовъ. Шло ли возстаніе по правильному пути, воодушевлялось ли боровшееся крестьянство выставленнымъ соціальдемократами на боевомъ знамени лозунгомъ: да здравствуетъ вооруженное возстаніе во имя учредительнаго собранія? Очевидно нѣтъ. Крестьянство, выступая въ бой имѣло въ виду не учредительное собраніе и ни какой-либо идеалъ (для этого оно не было подготовлено), а только лишь уничтоженіе своихъ кровососателей бароновъ. Крестьянство возстало, чтобы свергнуть то ярмо, которое вотъ уже цѣлыхъ семь столѣтій (если торжество нѣмецко-балтійскихъ бароновъ считать со времени основанія Риги) тяготѣетъ надъ нимъ. Попытки соціальдемократовъ отвести его отъ этой цѣли и направить на другую, создавали въ крестьянствѣ равнодушіе къ самой борьбѣ. Не разрѣшая крестьянамъ местъ нѣмецко-балтійскимъ феодаламъ, с.-д. отнимали у нихъ всякое желаніе къ дальнѣйшей борьбѣ. Баронъ-феодалъ — вотъ врагъ балтійскаго крестьянина, съ которымъ онъ готовъ былъ бороться не щадя своей жизни.

Долгъ каждаго истиннаго революціонера содѣйствовать приближенію эт й народной расправы. Напрасно боялись ее руководители возставшаго крестьянства — с д. Она необходима и неизбѣжна для завоеванія правъ и достоинства нашего поруганнаго и жестоко оскорбленнаго народа.

Пусть каждый революціонеръ запомнитъ, что путь къ свободѣ балтійскаго крестьянства идетъ черезъ трупы его мучителей-бароновъ.

З. Штрамсъ.

ИЗЪ РОССІИ.

РИГА. Въ Ригѣ, какъ и по всей Россіи идетъ жестокая реакція. Аресты, казни и высылки въ полномъ разгарѣ.

Въ рабочей средѣ чувствуется усталость, отсутствіе революціоннаго настроенія. Хозяева-фабриканты высоко подняли свои головы. Рабочій день почти на всѣхъ фабрикахъ удлиненъ на два, на три часа. Заработная плата понижена на 30 и 40 проц. Въ томъ случаѣ когда рабочія жалуются своему хозяину, что 80 или 90 коп. недостаточно чтобы прокармливать себя и свою семью, они получаютъ приблизительно такой отвѣтъ: „если этого вамъ мало, ищите себѣ работу въ другомъ мѣстѣ".

А искать то работы рабочему негдѣ. Благодаря постояннымъ увольненіямъ (локаутамъ) безработная армія стала слишкомъ велика. По утрамъ можно видѣть у фабричныхъ воротъ цѣлыя толпы оборванныхъ и измученныхъ голодомъ рабочихъ. Всѣ они готовы поступить за самую ничтожную плату на работу, лишь бы только избавиться отъ голодной смерти. Но рѣдко, очень рѣдко имъ удается отыскать работу... Голодныя и измученныя они расходятся.

На болѣе или менѣе революціонное выступленіе рабочихъ, за попытку устроить забастовку — хозяева отвѣчаютъ локаутами.

Таково въ общихъ чертахъ положеніе дѣлъ въ Ригѣ.

Благодаря усиленнымъ правительственнымъ репрессіямъ начиная съ 1907 г. всѣ нелегальныя рабочія организаціи были разстроены. Рабочую массу охватила усталость и равнодушіе ко всѣмъ жизненнымъ фактамъ, что, хотя и не въ такихъ размѣрахъ какъ 1907 и 1908 г.г., продолжается до сего времени.

Только въ самое послѣднее время среди рабочихъ замѣчается стремленіе организоваться съ цѣлью защиты отъ притѣсненій хозяевъ и улучшенія своего экономическаго быта. Соціаль-демократы всѣ свои старанія направили къ тому, чтобы организовать рабочую массу въ легальныя профессіональныя союзы и при помощи ихъ направить рабочее движеніе на путь мирнаго реформизма. Въ настоящее время въ Ригѣ такихъ союзовъ существуетъ нѣсколько, но ихъ малочисленность сама по себѣ говоритъ объ отношеніи къ нимъ рабочаго люда. Защитники профессіонализма стараются увѣрять что малочисленность членовъ вовсе не говоритъ о негодности самого профессіональнаго движенія, а лишь объ отсутствіи у рабочихъ всякаго желанія организоваться въ какія бы то ни было группы или союзы. Но что это вовсе не такъ объ этомъ ясно свидѣтельствуетъ цѣлый рядъ нелегальныхъ рабочихъ группъ, возникшихъ именно въ послѣднее время въ Ригѣ и другихъ городахъ Прибалтійскаго края.

Характернымъ явленіемъ „того періода является существованіе въ рабочей средѣ враждебнаго настроенія къ интеллигенціи. Появились даже брошюры на латышскомъ языкѣ, въ которыхъ авторы проводятъ извѣстный „взглядъ" на роль интеллигенціи въ рабочемъ движеніи и рекомендуютъ рабочимъ воздержаться отъ какой бы то ни было совмѣстной работы хотя бы съ революціонной интеллигнціей. Интеллигенція по ихъ мнѣнію вездѣ и всегда играла пагубную роль въ рабочемъ движеніи, стараясь вовлечь рабочихъ въ борьбу для достиженія только своихъ эгоистическихъ цѣлей. Усерднымъ выразителемъ такого взгляда является „безпартійный „Naids" (Ненависть). Проводимый имъ взглядъ на интеллигенцію далеко не новый. „Naids" за небольшими измѣненіями является выразителемъ того теченія въ русскомъ рабочемъ движеніи, которое извѣстно подъ названіемъ „махаевщины" и которое для латышскаго пролетаріата было неизвѣстно.

Проводимый „Naid'омъ" взглядъ на интеллигенцію воспринимается рабочими вовсе не потому, что приведенные противъ интеллигенціи аргументы имѣютъ основаніе, а лишь потому что въ революціонномъ движеніи Прибалтійскаго края интеллигенція въ лицѣ соціальдемократіи дѣйствительно продѣлывала цѣлый рядъ пагубныхъ и непростительныхъ уклоновъ отъ цѣлесообразной революціонной тактики. Это главнымъ образомъ и является причиной того, что на языкѣ латышскаго пролетаріата „революціонная" интеллигенція, которой переполнены всѣ „верхи" с.-д. партіи, именуется „душевно больной".

Но это вовсе не значитъ что латышскій пролетаріатъ заперъ дверь своего священнаго храма для интеллигента. Интеллигентъ всегда найдетъ въ немъ мѣсто лишь бы только онъ былъ честнымъ человѣкомъ и искреннимъ борцомъ, а не „душевно-больнымъ."

И именно въ настоящее время ощущается острая нужда въ „интеллигентахъ" особенно въ людяхъ съ организаторскими способностями. Рабочій Прибалтійскаго края отчасти уже пережилъ тотъ застой, въ который его погрузила жестокая реакція. Онъ ищетъ выхода изъ этого состоянія. Революціонныя выступленія, насильственная борьба со своими угнетателями, проповѣдываемая сторонниками коммунистическаго анархизма снова находятъ въ немъ откликъ. Онъ готовъ снова бороться, но такъ, чтобы проявленная въ этой борьбѣ энергія не пропала даромъ. Онъ сознаетъ необходимость дѣйствовать сообща, необходимость организоваться.

Въ организаціонной работѣ онъ проявилъ уже свои самостоятельныя попытки, но чтобъ эти попытки такъ и не остались попытками, способныя на это дѣло люди должны пойти ему на помощь. Чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше.

Латышская анархическая печать съ своей стороны могла бы оказать здѣсь огромную услугу, если бы она вмѣсто статей, которымъ пора отойти въ „архивъ", на своихъ страницахъ помѣщала бы статьи, которыя дѣйствительно могли влить освѣжающую струю въ наше молодое движеніе. Приступить къ разъясненію разныхъ теоретическихъ и тактическихъ вопросовъ должны мы, если хотимъ обслуживать движеніе нашего края, а не рыться по соціаль-демократическимъ помойнымъ ямамъ и переполнить весь журналъ такими статьями, которые по крайней мѣрѣ въ настоящее время ничего новаго дать не могутъ. А потому латышской анархической печати въ лицѣ „Brihwiba" мы можемъ пожелать лишь больше смѣлости и жизненности для рѣшенія тѣхъ жгучихъ вопросовъ, которые именно въ данную минуту отлагательства не терпятъ.

Если сравнить № 1 „Brihwiba" съ № 3, то дѣйствительно нужно признаться, что журналъ подвинулся впередъ. Но пусть же этотъ прогрессъ не происходитъ столь томительно.

«Анархическая литература въ нашъ край доходитъ, но благодаря отсутствію связей между отдѣльными товарищами и группами она распространяется очень не планомѣрно. Есть мѣста гдѣ распространяется исключительно „Анархистъ". Въ другихъ мѣстахъ циркулируютъ разныя номера «Бунтаря». На дняхъ совсѣмъ случайно къ намъ попало около 100 экз. „Буревѣстникъ" № 15 и пакетъ съ брошюрками разнаго содержанія. «Спросъ на литературу огромный.» Такъ пишетъ намъ товарищъ.

Эти строки уже ясно говорятъ, что всякая работа, даже столь не сложная какъ распространеніе литературы, требуетъ все же организованности.

Къ созданію и укрѣпленію нашихъ организацій и группъ должны приступить сейчасъ же. Это пусть будетъ первой нашей задачей.

— ms.

ЮРЬЕВЪ. Въ настоящее время въ мѣстной тюрьмѣ находится около 200 заключенныхъ. Политическихъ сравнительно мало, большинство уголовныхъ.

Чтобы лучше можно было представить себѣ ту неограниченную власть тюремщиковъ надъ заключенными приведу такой фактъ.

6-го сентября старшій надзиратель принудилъ итти на работу заключеннаго Каерве, несмотря на то, что тотъ заранѣе заявилъ о своей болѣзни и просилъ оказать ему медицинскую помощь. Послѣ того какъ надзиратель пригрозилъ карцеромъ, больной Каерве повиновался распоряженію надзирателя и вышелъ на работу. По окончаніи работы заключенный возвратился въ камеру окончательно разбитымъ и вечеромъ на провѣркѣ снова сталъ просить вызвать врача. Конечно просьба такъ и осталась просьбой, надзиратели надъ нимъ подсмѣивались и говорили: „не безпокойся, завтра опять поставятъ тебя на работу. На свѣжемъ воздухѣ выздоровѣешь!" — На другое утро Коерве нашли мертвымъ въ своей камерѣ.

Въ общемъ довольно часто наблюдаются случаи заболѣваній, но больнымъ до сихъ поръ никакой помощи не оказывали. Правда разъ прислали какого то „врача" къ одному заключенному, который хворалъ чахоткой, но почтенный „врачъ" вмѣсто того, чтобы выслушать грудь, сталъ натирать чахоточному глаза купороснымъ масломъ.

Къ этому грубому обращенію тюремщиковъ съ заключенными присоединяется еще острая нужда, даже голодъ. Тюремная пища до того скверна, что тѣ, которые имѣютъ хоть малѣйшую возможность, выписываютъ съѣстные продукты на свой счетъ. Но и здѣсь тюремное начальство порядкомъ обдираютъ заключенныхъ. За фунтъ колбасы стоимостью 20 коп. оно беретъ 30 коп., за восьмую табаку стоимостью 7 коп. — отъ 12 до 15 коп. И все это творится на законномъ основаніи!

ВИНДАВА. Какъ и вездѣ въ нашемъ городкѣ царитъ тишина. Мѣры, принятыя противъ крамолы убитымъ уѣзднымъ начальникомъ Брауномъ, оставили свои послѣдствія. Появилось много новыхъ героевъ, которые послѣдовали примѣру своего покойнаго учителя и клялись не останавливаться ни передъ какими средствами, могущими послужить въ пользу водворенія мира и спокойствія. Вѣшали и разстрѣливали нашихъ друзей и товарищей разныя Раппы, Юкменчуки, Граутусы и другія сатрапы въ продолженіи цѣлыхъ четырехъ лѣтъ. И теперь еще кажется, не насытились они народной кровью. Время отъ времени въ Виндавѣ и его уѣздѣ совершаются обыски, неизбѣжнымъ послѣдствіемъ которыхъ являются аресты, избіенія и даже убійства.

24 сентября арестовали 7 рабочихъ лѣсопильни Симона Мейера за то, что тѣ призывали своихъ товарищей къ забастовкѣ съ цѣлью улучшить свое незавидное положеніе.

Ночью на 7 октября полиція произвела массовые обыски. Что именно побудило ее на это, пока неизвѣстно. Въ результатѣ оказалось нѣсколько лицъ арестованныхъ. Среди нихъ какой то Якобсонъ и жена таможеннаго сторожа Луиза Дуче. При обыскѣ у послѣдней найдена нелегальная литература.

W.

* * *

Только что получены новыя извѣстія объ арестахъ въ Виндавскомъ уѣздѣ. Подробности еще неизвѣстны.

РИГА. 18 іюля прошлаго года переодѣтые въ рабочую одежду городовые арестовали пріѣхавшаго изъ Лондона анархиста коммуниста Яна Лапина. При немъ были найденъ браунингъ съ 200 патронами. Черезъ нѣсколько дней послѣ ареста Лапина, на одной изъ улицъ Московс. предмѣстья былъ арестованъ тов. Фридрихъ Риттеръ. Оба арестованные были помѣщены въ сыскномъ отдѣленіи и тамъ подвергнуты страшнымъ истязаніямъ. Риттеръ не могъ перенести всѣ муки и выдалъ имъ много лицъ, которые, въ числѣ 45 человѣкъ, были арестованы, но сейчасъ же, послѣ установленія своего alibi, отпущены на волю. Подъ арестомъ, не считая Лапина и Риттера, остались Диккеръ, Клейбасъ, Спранцъ и Бишентропъ у первыхъ трехъ при обыскѣ были найдены взрывчатыя вещества и оружіе, въ связи съ которыми имъ было предъявлено обвиненіе въ подготовленіи ряда террористическихъ актовъ и покушеніи на правительственныхъ лицъ, въ томъ числѣ бывшаго сыщика и околодочнаго надзирателя Давуса и начальника сыскного отдѣленія Грегуса (тоже пытавшихъ первой величины). Бишентропъ же обвинялся въ перепискѣ съ Парижскими а.-к., которые, по словамъ обвинительнаго акта, посылали въ Прибальтійскій край анарх. литературу.

11 ноября прош. г. дѣло это разбиралось въ Рижскомъ военно-окружномъ судѣ были приговорены: Риттеръ—къ 12 каторги, Лапинъ — къ 8 г., Клейбасъ, Спранцъ и Дакаръ—къ 4 г. каждый. Бишентропа судъ оправдалъ.

Выяснено, что въ арестѣ пріѣхавшихъ изъ Лондона товарищей, видную роль играли два *провокатора* — братья Альбертъ и Петръ Плауде. Послѣдній изъ нихъ, т. е. Петръ самъ *лично* участвовалъ при арестѣ тов. Риттера. Въ сопровожденія городовыхъ, онъ незамѣтно для Риттера подокрался къ нему, схватилъ его сзади и повалилъ на землю.

Приведу выдержки изъ письма, присланнаго однимъ изъ нашихъ Рижскихъ товарищей.

„Бр. Плауде къ Рижской группѣ а.-к. „Слово и Дѣло" никогда не принадлежали и въ настоящее время не принадлежатъ. Сами они выдаютъ себя за анархистовъ. Объ ихъ дѣятельности можемъ сообщить слѣдующее.

Старшій изъ нихъ — Альбертъ свое первоначальное образованіе получилъ въ Торенбергскомъ городскомъ училищѣ у учителя Роде. Потомъ онъ поступилъ въ Вальскую семинарію которая въ то время находилась въ Ригѣ. По окончаніи курса онъ практиковалъ какъ народный учитель.

Когда именно началась его провокаторская дѣятельность, трудно установить, вѣрнѣе всего со времени наступленія реакціи. — онъ въ 1906 г. вступилъ въ болѣе близкія связи, съ нашимъ тов. К. и вмѣстѣ съ нимъ проектировалъ устроить въ своей квартирѣ анарх. типографію. Типографія не успѣла начать работать, какъ она была обнаружена полиціей и тов. К. арестовали.

Младшій братъ — Петръ учился въ Рижскомъ Петропавловскомъ городскомъ училищѣ и будучи еще ученикомъ работалъ въ с.-д. кружкахъ подъ кличкой „Трумпманъ". По подозрѣнію въ участіи убійства какого-то Мирама, Петра арестовали и продержали подъ слѣдствіемъ около года.

Послѣ выхода изъ тюрьмы и начинается его черная дѣятельность.

Въ концѣ 1906 г. оба брата отправились чрезъ Бельгію въ Соединенные Штаты и тамъ вошли въ сношеніяхъ мѣстными с.-д. организаціями. Отъ бывшаго члена второй государственной думы Озоля они получили въ видѣ рекомендаціи или явки его карточку и черезъ нѣкоторые время оба Плауде отправились обратно въ Ригу. Въ Ригѣ они выступили какъ пропагандисты анархическихъ идей, а что с.-д. исключили ихъ изъ партіи и въ отдѣльныхъ листкахъ стали обвинять въ провокаціи

Петру б. Плауде принадлежитъ статья, напечатанная въ черносотенной газетѣ „Rigas Azise" подъ заглавіемъ „Изъ жизни лат. с.-д." Свое сотрудничество въ „Riges Azise" подъ псевдонимомъ „Петръ Санинъ", онъ не отрицаетъ

Изъ многихъ провокаторскихъ выступленій бр. Плауде нужно отмѣтить: выдачу конференц. лат. соц.-д., доносы властямъ на пропагандиста Балада и анархиста Анса Брѣдисъ и наконецъ выдача пріѣхавшихъ изъ Лондона членовъ группы а.-к. Zensonis".

P. S. Приводя выдержки изъ письма нашего товарища, касающихся бр. Плауде, долженъ отмѣтить, что свѣдѣнія эти далеко не полны. На дняхъ мы получили новыя данныя, которыя съ удивительной точностью совпадаютъ съ фактами, сообщенными въ этомъ письмѣ и кромѣ того открываютъ новые эпизоды изъ провокаторской дѣятельность бр. Плауде. Свѣдѣнія эти будутъ опубликованны особо.

Штр.

РИГА. Намъ пишутъ что въ больницѣ Рижской Центральной тюрьмы скончалась отъ чахотки нашъ тов. *Маргарита Глазовская*. Правительство до послѣднихъ минутъ ея жизни держало ее въ своихъ желѣзныхъ когтяхъ — разрѣшеніе выѣхать заграницу лѣчится пришло когда она была уже мертва. Она оставила каменную клѣтку безъ разрѣшенія, къ великой скорби г-на Греусова, неуспѣвшаго привлечь ее къ отвѣтственности.

Въ группѣ Глазовская была извѣстна подъ именемъ „Лиліи" и «Марго». О жизни ея извѣстно, къ сожалѣнію, очень мало. ея бликія знакомыя говорятъ, что она дочь управляющаго имѣніемъ Витебской губер., училась она (въ Верроской гимназіи, которую и окончила. Работала въ Юрьевской организаціи с.-р. Глазовская была энергичная работница, революція была для нея все, она не знала другой жизни и для нея она жертвовала всѣмъ, въ буквальномъ смыслѣ этого слова.

Какъ теперь вижу ея блѣдное энергичное лицо, временами вздрагивающее отъ кашля, — грозная болѣзнь успѣла уже свить себѣ прочное гнѣздо въ ея хилой груди. Духъ еще борется съ матерьей. Ей хочется работать, хочется преодолѣть препятствія, тормозящія ходъ человѣчества къ лучшему будущему. Палачи растоптали бѣлую, хрупкую Лилію. Предъ нами промелкнулъ образъ чистѣйшаго, совершеннѣйшаго человѣка, идеалъ, къ которому мы стремимся и этотъ образъ не оставитъ насъ никогда, ни въ дни битвы, ни въ минуты отчаяная, давая намъ всегда силы и увѣренность въ торжерство нашего идеала.

Вр.

ВЛАДИМИРЪ. (Письмо изъ тюрьмы.) Раньше Владимирскую тюрьму можно было приписать къ такъ называемымъ „свободнымъ" тюрьмамъ, но теперь она стала „Владимирской каторгой", въ полномъ значеніи слова. Почти невозможно описать тѣ безобразія и грубости, которымъ мы подвержены.

О нашемъ „мягкомъ" режимѣ узнали въ Петербургѣ (провалилось письмо) и начальникъ Парфеновъ былъ уволенъ. На его мѣсто назначили Гудемана, усмирителъ Кутайской тюрьмы (11 жертвъ), занимавшаго мѣсто начальника въ Петербургской пересыльной тюрьмѣ. У насъ онъ состоитъ начальникомъ съ 27 декабря 1908 г. Я переживаю ужъ третьяго начальника, одного хуже другого. Но этотъ настоящій палачъ по призванію. На третій день послѣ пріѣзда онъ присудилъ къ 25 ударамъ шесть каторжанъ за неподчиненіе приказу. Во время прогулки было приказано ходить по два, не разговаривать и не курить. Выпущенные на прогулку товарищи не обращали вниманія и бойкотировали это постановленіе. Выбѣжалъ самъ начальникъ и сталъ звать караулъ. Хороша что тотъ отказался слушаться, а то дѣло приняло бы кровавой исходъ. За это неповинновеніе пять человѣкъ онъ велѣлъ выпороть, а остальныхъ лишилъ выписки съѣстныхъ припасовъ на одинъ мѣсяцъ. На другой день на прогулку стали выпускать по 1 камерѣ на 15 минутъ, вмѣсто цѣлаго этажа какъ раньше выпускали. Во время экзекуціи самъ Гудеманъ считалъ удары и заявилъ, что при повтореніи такой демонстраціи онъ призоветъ войско и прикажетъ рубить на право и на лѣво.

Роль тѣлохранителя при Гудеманѣ исполняетъ старшій помощникъ Сезаровъ — настоящій кровопіецъ ничуть не уступающій въ звѣрствахъ своему хозяину.

За все время своего царствованія Г. поролъ ужъ 15 чел. Карцера всегда переполнены и за недостаткомъ мѣста приходится ждать очереди 20-30 человѣкамъ, для того чтобы пойти на освободившееся мѣсто «въ сушилкѣ".

Режимъ не выносимый. Предъявленныя начальствомъ требованія немыслимо выполнить. На стѣнахъ камеръ повѣшены „Временныя Правила", состоящія изъ 45 параграфовъ и каждый парагр. таковъ, что самъ богъ его не исполнитъ, не заслуживъ упрекъ начальства. За нарушеніе каждаго парагр. грозитъ до ста ударовъ. — Голодъ тоже насъ мучаетъ, хлѣба не хваетъ. Тюремный воздухъ сушитъ человѣка, кровь дѣлается жидкой Бѣжать немыслимо.

ОДЕССА. Изъ городской больницы 17-го декабря 1909 года бѣжала анархистка П. Ярошевская, присужденная по тираспольскому процессу къ 10 годомъ каторги. До побѣга Ярошевская просидѣла три года въ одесской каторжной тюрьмѣ.

ЕКАТЕРИНОСЛАВЛЬ. 13-го января въ четвертомъ участкѣ былъ казненъ анархистъ Миша Симферопольскій привлекавшійся подъ именемъ Андрея Штокмана по дѣлу И. Б. Г. А.-К. На другой день тамъ же былъ повѣшенъ Сергѣй Борисовъ («Тарасъ»).

Погибли отъ руки палача два революціонера стойкихъ, смѣлыхъ и героически самоотверженныхъ, но свѣтлая память о нихъ сохранится на долго и будетъ жить вмѣстѣ съ ростомъ анархическаго движенія, которому они отдали всѣ свои силы, молодость и жизнь.

Заявленіе *)

Братья Альбертъ и Петръ Плауде, выдающіе себя за анархистовъ-коммунистовъ и организующіе группы — объявляются провокаторами.

Въ настоящее время они состоятъ на службѣ рижскаго охраннаго отдѣленія.

Просимъ революціонные журналы перепечатать это заявленіе.

Федерація Латышск. Анар.-Ком.
Лондонская груп. А.-К. „Zensonis"
Патижская груп. А.-К. „Melnais Karogs"

Почтовый ящикъ.

Т. А. К., Суд. день, получ. Пришлите доб. свѣд. — Американцу, просили отвѣтить того, кто послалъ корреспонд. Очевидно не васъ, а другого. — Сенѣ. Пришлите, что обѣщали. — Т. I. Рос. Получили. Спасибо. Вашу просьбу уже исполнили.

Ко всѣмъ товарищамъ. Редакція проситъ присылать теоретическія статьи, матеріалы движенія, хроники борьбы, біографіи, некрологи, прокламаціи и пр.

Денежный отчетъ.

Печ. ном. — 450 г., расх. по из. — 30. ф., тр. четном. — 96 ф. 55 с. За раб. С. — 203 ф. Б. — 400 ф. Выдано въ пользу нуж. тов. съ мая 1909 г. — 483 ф. 25 с Поѣздка въ Льежъ т. А. — 47 ф. За раб. В. — 120, М. — 120, въ як. — 65 ф. Книг. вт. — 28 ф. Уплоч. за 6-гъ — 40 ф., долгъ въ т. — 30 ф. Нел. лит., биб., поч. рас. и пр. — 47 ф. 15 с. Тр. 5-го нояб. — 95 ф. Итого — 2254 ф. 95 с.

---

*) Фотографіи братьевъ Плауде и свѣдѣнія о нихъ дѣятельности помѣщены въ отдѣльномъ листкѣ, вышедшемъ въ Парижѣ на латышскомъ языкѣ.

Письма и деньги просимъ направлять въ: Paris, Redaction du «Libertaire», rue d'Orsel, 15. На внутреннемъ конвертѣ необходимо сдѣлать надпись «для Анархиста».